

Трилогия
в одном
томе

РОМАН ЗЛОТЦИКОВ

Царь Федор

Москва, 2012

РОМАН ЗЛОТНИКОВ

Трилогия
в одном
томе

- Еще один шанс... •
- Орел расправляет крылья •
- Орел взмывает ввысь •

Издательство АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
З-68

Серия основана в 2005 году
Выпуск 129

Художник
С. А. Григорьев

Злотников Р. В.

З-68 Царь Федор: Еще один шанс...; Орел расправляет крылья;
Орел взмывает ввысь / Послесл. И. Черного. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 892 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1252-5

Какой могла бы стать Россия, если бы смогла избежать Смуты, избавиться от угрозы крымских набегов и получить в государи человека, способного направить в созидательное русло всю гигантскую энергию ее народа? И как бы дальше сложилась ее история после смерти царя Федора Великого и далее — в XVIII, XIX веках? Ибо Бог посылает испытания тем, кого любит. А в том, что Бог любит Россию, ни у кого сомнений нет...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

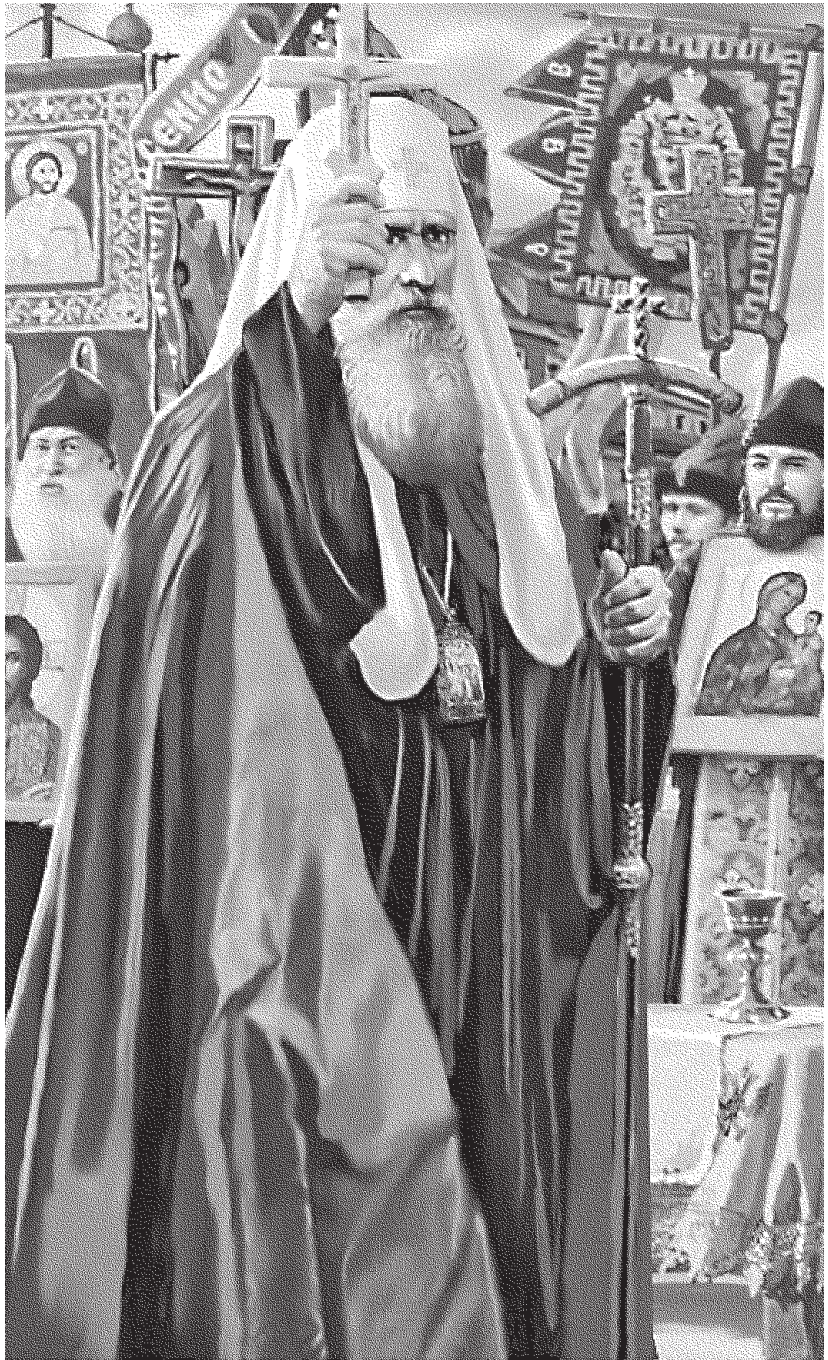
ISBN 978-5-9922-1252-5

© Злотников Р. В., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

С искренней благодарностью писателям Диме Гордевскому и Яне Боцман, творящим под псевдонимом Александр Зорич, а также Борису Юлину за неоценимую помощь в создании этой книги.

Автор

● Еще один шанс... ●

ПРОЛОГ

Я сидел на юте своей яхты и ел борщ.

В принципе в этом не было ничего особенно необычного. Во-первых, я люблю борщ, и, во-вторых, моя яхта — что хочу, то и делаю. Тем более такое занятие, как употребление борща, общественную мораль никак не шокирует. Так что и с этой стороны никаких претензий ко мне также предъявить нельзя. А если даже и можно, то вот вам визитная карточка моего адвоката. Звоните ему в любое удобное для вас время...

Борщ у меня получился что надо. Густой, наваристый, чтобы, так сказать, ложка стояла. Одна беда — сметаны здесь днем с огнем не сыщешь. Вместо сметаны мне приходилось довольствоваться местным йогуртом, который я купил здесь же, в супермаркете, что на углу торговой галереи. После того как мой повар заявил, что объездил всю Ситонию — и Нео Мармарас, небольшой городок, до которого можно было добраться отсюда, из марины¹ Порто Каррас, на рейсовом катерке всего за два с половиной евро, и расположенный чуть подалее Никити, и Агиос Николаос, порт, из которого каждый день отправляются круизные суда вокруг того самого знаменитого Святого Афона, и еще с дюжину городков и поселков. И нигде не обнаружил сметаны. Все остальное — запросто, но вот сметана... Вот тогда мне и пришлось самолично перетечь в этот самый супермаркет и, морща лоб, искать хоть что-то, что могло бы пусть и отдаленно, но заменить сметану.

Вшивый, я вам скажу, здесь магазинчик. Совсем не «де люкс». То есть звездности отеля никак не соответствует... Впрочем, я не думаю, что у них так уж часто останавливаются клиенты, которым взбредает в голову лично заняться приготовлением борща. Или еще чего-то этакого. Да еще при наличии собственного повара. А рестораны у них вполне комильфо. Ну если не забывать, что это все-таки

¹ М а р и н а — порт для яхт с оборудованными стоянками, заправками и остальной инфраструктурой.— *Здесь и далее примеч. авт.*

отельные рестораны, куда люди ходят больше от лени, от нежелания куда-то ехать, от общей разморенности, в конце концов. Что и накладывает свой отпечаток на любой отельный ресторан. Будь отель хоть двадцати двух звезд, а ресторан увешан аж десятком мишленовских. Я еще ни разу не встретил по-настоящему хорошего отельного ресторана. Для меня отельный ресторан — это диагноз. Причем окончательный. Потому что не может быть «правильным» ресторан, для того чтобы попасть в который надо всего лишь *никуда не ходить*.

Нет, у меня есть пара знакомых шеф-поваров отельных ресторанов, они могут сделать нечто действительно стоящее. Например, Тьерри в Ницце или Самонере в Ла-Валетте, но для этого они должны знать, что они готовят *для меня*. А не для своих обычных клиентов. Пусть даже значительную долю их составляют настоящие гурмэ, и среди них вряд ли найдется хоть кто-нибудь «веський» менее пятидесяти миллионов фунтов стерлингов. И дело вовсе не в том, что я «вешу» больше. Все равно по этому параметру я далеко не в первой десятке клиентов Тьерри или Самонере. Есть и куда более «грузные» дяденьки. Просто я — это я. И они знают, что, несмотря на вполне законно полученные каждым из них три мишленовские звезды¹, я вполне могу кое в чем их удивить. Не во всем, конечно, далеко не во всем, в конце концов, они — профессионалы, а я — любитель, но кое в чем — точно. Потому что я не только люблю, но и *умею* готовить. Повар у меня чаще используется для того, чтобы шляться по рынкам и набивать холодильник свежими продуктами, чем по прямому назначению. Ну еще и как стюард, конечно...

Впрочем, иногда ему приходится трудиться и по штату. Дело в том, что готовлю я, как правило, исключительно для себя. Редко для кого-то еще. Так что для всяких вечеринок, которые мне, куда уж деваться, время от времени приходится устраивать у себя на яхте и которые пользуются бешеной популярностью как раз благодаря хорошей кухне, готовит у меня повар. Несмотря на то что в тусе ходят слухи, что готовлю для вечеринок именно я. Ну хотя бы главное блюдо. Гвоздь программы, так сказать. Мол, потому оно и получается такое-такое, круче чем в любом ресторане. Но это миф. Стану я еще напрягаться для всякого гламурного быдла. А на вечеринки, за редким исключением, ходит именно оно. Потому что больше ему и заниматься-то нечем. Бедные животные...

Но я этот миф не развеиваю. К тому же готовит мой повар вполне прилично. Даже по моим меркам. А не устраивать вечеринки нельзя. Они для того, кто хочет оставаться в тусе,— неременная обязатель-

¹ Три звезды Мишлен — наивысший рейтинг, который присваивается ресторану. Упомянутые главным героем выше «десяток мишленовских» звезд — просто ерничанье.

ка. К тому же кое-какую пользу они приносят. Как нормальная среда для сбора информации, завязывания новых знакомств и поддержания старых. Что в бизнесе едва ли не самое важное. Тем более что данное занятие является зоной прямой и непосредственной обязанности именно и почти исключительно владельца бизнеса... Практически все остальное способны взять на себя приглашенные менеджеры, юристы, секретари, а вот непосредственные контакты, так сказать, с первыми лицами — шиш. Тут приходится напрягаться самому. Да еще как напрягаться...

Потому что именно во время таких контактов все по большей части и решается. После чего всем этим трудящимся в поте лица менеджерам, юристам, секретарям и иже с ними только и остается правильно и своевременно оформить достигнутые договоренности... Ну и кроме того, между пришедшего стада иногда появляются очень привлекательные экземпляры «тел». Кои затем, покончив с делами, вполне можно придержать на яхте на пару-тройку дней и предаться свальному греху. Дольше — вряд ли. Пары дней вполне достаточно для того, чтобы прочистить мозги и еще раз убедиться, что бабы — зло.

Так вот, я сидел на юте и ел борщ. А что бы кто там ни говорил, в борще главное — это сам борщ. Нет, все остальное — сметана, налитой чесночок, холодная водочка, свежий и ароматный черный хлеб — тоже важно. Но меньше. Как необходимое, но все же дополнение. К тому же чесночок у меня был, вместо сметаны я нашел этот густой йогурт, а с черным хлебом у меня тоже все было в порядке. Хлеб был. Причем *правильный*. Этакий, с одной стороны, еще свежий, а с другой — чуть зачерствелый. Самое то, что надо. Четыре буханки в вакуумной упаковке мне доставили два дня назад. Мой самолет. Не сюда, конечно, здесь, в Порто Каррасе, полосы нет, а в Салоники. Ну подумаешь, сотня с небольшим километров.

Повар на такси обернулся за три часа. Можно было бы, конечно, не гонять самолет, а просто отправить повара в Салоники, где, несомненно, до черта русских магазинов. Но дело в том, что *правильного* черного хлеба там отродясь не бывало. И вообще, все, что продается в русских магазинах в Западной Европе, изготовлено отнюдь не в России. Чаще всего в Германии, иногда, при удаче, в Литве или Польше, коих мы за время, что они были в составе Российской империи, все-таки кое в чем слегка поднатаскали, но уж точно не в России. Так что *правильного* черного хлеба там быть не может по определению. Казалось бы, что мешает повторить такое же со сметаной? Но послать самолет за этим продуктом мешали два обстоятельства. Во-первых, завезя мне несколько буханок черного хлеба, мои «кры-

лышки» улетели на сервис и сейчас торчали где-то в Лютоне¹ со снятыми капотами двигателей. И, во-вторых, я, конечно, временами борзой, как и многие другие мои сограждане из числа таких же, как и я, стремительно разбогатевших нуворишей, но гонять самолет за банкой сметаны *специально* — это слишком даже для меня. Вот если по пути на сервис, то тогда ладно...

Впрочем, если пойдет слух, что я специально гонял самолет за буханкой черного хлеба, я его опровергать не буду. Пусть так и говорят. Как я понял уже довольно давно, считаться человеком, настолько погруженным в свою причуду, скорее полезно, чем наоборот... Так что оставалось утешаться тем, что борщ у меня получился что надо... ну и что с последним ингредиентом правильного борща — холодной водочкой — у меня все в порядке. За этим-то продуктом мне никогда гонять самолет не придется. Уж будьте уверены. Как бы кому ни хотелось. Потому что, даже если во время вечеринки и случится совсем уж невероятное событие и мне придется распечатывать мой неприкосновенный запас, я скорее выставлю на стол выдержанный вискарь, или граппу, или даже хороший старый шартрез (хотя последний таким образом переводить все-таки жалко), но несколько бутылок водки так и останутся на месте. И вовсе не потому, что я такой уж фанат водки. Я вообще не слишком по этому делу... Но есть у меня несколько любимых блюд, кушать которые «помимо водки», как говаривал мой дедуля, просто грешно. Тот же борщ, например...

— Фэдор?

Я поднял голову. У трапа стоял мрачный Джек. Джек мой сосед по марине. Его яхта припаркована через две стоянки от моей. Ничего так, хорошая яхта, тоже «Falcon», но чуть больше, чем у меня. Тонн на сто двадцать потянет. Причем, в отличие от меня, яхту он брал скорее всего новой, а не как я свою — подержанной. Но Джек яхтсмен опытный, мотается по морям в свободное от бизнеса время уже лет двадцать. А я только шесть. А на «Falcon» вообще всего лишь три года. Мы с ним познакомились в позапрошлом году в Лондоне. Когда я туда приплыл. Сам Джек, представьте себе, там живет. А почему бы и нет, кстати? Ведь он, в конце концов, чистокровный англичанин.

Я махнул рукой — заходи, мол. Джек все с тем же мрачным выражением лица протопал по трапу и уселся на свободный стул напротив меня.

— Дерьмо... — мрачно поприветствовал он меня.

Я кивнул и мотнул головой в сторону своей тарелки:

— Будешь?

¹ Центр сервисного обслуживания самолетов Gulfstream в Лондоне.

— Что это? — скорее из вежливости, чем потому, что это его действительно волновало, поинтересовался Джек.

— Борщ.

— Борщ? Борщ... — Джек озадаченно попробовал языком незнакомое слово и решил, что оно ему не понравилось. — Нет, борщ не буду.

Я понимающе кивнул и, встав из-за стола, сходил в каюту к бару. Уж чего-чего, а рюмок у меня на борту было раза в два больше, чем гостей, которых номинально вмещала моя яхта. А это как-никак двенадцать персон. Впрочем, максимально я яхту еще не загружал ни разу. Не люблю, знаете ли, толпу в том месте, где расположена моя нора. Нет, потусоваться я часто не против, но всегда стараюсь устроить так, чтобы потом, когда мне это дело поднадоест, мне было бы куда уползти. Причем частенько даже одному, а не прихватив с собой одну-двух неутомимых телочек... Хотя и такие варианты отнюдь не редки.

Я грохнул на стол хрустальную рюмку, настоящую, мозерскую, купленную в том самом магазине Реомюра в Карловых Варах, откуда сей предмет сервировки и начал свое победное шествие по миру, и, ухватив запотевшую бутылку, накатил Джеку до краев.

Джек мрачно кивнул и, цапнув рюмку за тонкую ножку, резким движением опрокинул ее в рот. Гулкий глоток, и рюмка вернулась на стол уже пустая. Теперь следовало подождать...

Я дохлебал борщ, отнес тарелку в мойку и вернулся с деревянной миской квашеной капусты и последней упаковкой хамона. Для полной классики вместо хамона должно было бы быть сало, но где его здесь возьмешь? Эх, врут люди, врут, не все в Греции есть...

Разлив по второй, мы с Джеком все так же молча опрокинули в себя водку, зажевали оную хамоном и захрустели капусткой. Нет, Джек, он в принципе парень обученный. Чем правильно закусывать водку знает. И чокаться уже умеет. Но в этом настроении его лучше не трогать. А то он способен разразиться длиннющей речью о том, как неправильно устроен мир, как изменились и обыдлились люди и как все стало хуже со времен королевы Виктории и великого Киплинга. А если так, молча, по чуть-чуть, доливать Джека водочкой или еще чем-то крепким, то минут через двадцать он размякает, теряет, так сказать, дизраэлевский¹ пафос и становится вполне приемлемым в общении. Главное, не спровоцировать его раньше времени...

— Жлобы они, — пожаловался мне Джек спустя несколько минут.

— Кто?

— Греки, — сурово заявил он.

Я отреагировал вскинутой бровью. Если Джек еще не до конца

¹ Дизраэли Бенджамин — английский политик, премьер-министр Великобритании в 1868 и 1874 — 1880 гг., лидер Консервативной партии. Прославился своими речами.

вышел из прежнего состояния, то лучше на его сентенции реагировать именно так, скупо.

— В мире бушует кризис, — столь же сурово продолжил Джек, — все вокруг снижают цены, сокращают издержки, а что делают они? Знаешь, насколько дороже обошелся мне номер в этом году? Немудрено, что они на грани дефолта!

Так вот оно что... Я понимающе кивнул. Джек приезжает в Порто Каррас отдохнуть, что в его интерпретации включает в себя два обязательных пункта. Во-первых, отправиться отдохнуть он должен обязательно на яхте, и, во-вторых, в каком-то из пунктов маршрута ему необходимо ненадолго остановиться, переодеться в смокинг и поиграть в казино. Поэтому он, в отличие от меня, предпочитающего квартировать на яхте, снимает номер здесь, в Порто Каррас, в отеле «Meliton». Впрочем, все эти дополнительные расходы для бюджета Джека что слону дробина. За исключением одного-единственного случая. Если он уж очень сильно примет на грудь и соответственно начнет совсем уж неадекватно оценивать окружающую обстановку. Тогда он перестает играть по маленькой и начинает ставить не на красное-черное, а на номера. И совершенно немузыкально орать что-то из репертуара ливерпульской четверки, распад которой как раз и пришелся на времена его тинейджерства. Что заканчивается вполне предсказуемо... Так что если Джек начал считать деньги, это означает, что сегодняшнее мрачное состояние духа вызвано тем, что он вчера довольно солидно продудлся в казино. И, как это все и описано в любом учебнике по психологии, с утра выстраивает некую компенсаторную теорию, долженствующую вывести его проигрыш из области личной ошибки в область неких стихийных явлений или происков других людей. Что ж, раз так, то, пожалуй, еще одна рюмка, и с Джеком уже можно будет нормально разговаривать. С этими мыслями я потянулся к бутылке, но в этот момент на ют вышла Светла. Она была в халате, совсем ненакрашенная, с растрепанными волосами и сонным выражением лица, но Джек тут же сделал стойку. Он был тем еще кобелем. Впрочем, на Светлу так реагировали, похоже, даже абсолютные импотенты и стопроцентные геи. Ну есть в ней нечто совершенно первобытное, животное, глубинное, что заставляет мужика непроизвольно выпячивать грудь и напрягать бицепс... ну или грозно взмахивать пухлым бумажником. На это действие современные самки, увы, ведутся куда как успешнее, чем на любой напряженный бицепс...

— Фэдор, ты познакомишь меня с твоей мисс...

— Мисс Светла. — Я добродушно усмехнулся про себя.

Нет, здесь Джеку было полное непροхонже. Светла, конечно, девочка не промах и все время находится в состоянии охоты за буду-

щим мужем, причем наличие у претендента на сей высокий пост собственной яхты после нашего совместного двухнедельного путешествия уже, похоже, внесено в перечень неперемных требований, но сейчас она работает по контракту. После нескольких бурных романов я пришел к окончательному и бесповоротному выводу, что бабы — это существа, основное предназначение которых сосать мозг у мужчин, и решил, что семейные узы, пусть даже пока и чисто гипотетические, вещь для меня невозможная. Поэтому я постепенно выстроил такие взаимоотношения с противоположным полом, какие меня абсолютно устраивают. Дамы, сопровождавшие меня в моих путешествиях, особенно если я предпочитал путешествовать на яхте, твердо знали свое место, свои обязанности и... сколько они за это получают. Окончательный расчет я всегда производил в конце. А то еще попадетсЯ какая-нибудь необычайно хитрая стерва, разыграет умело скандал, после чего я ее, естественно, выпру. И она отправится домой с моими деньгами, довольная как слон, причем так и не отработав положенного. В принципе денег мне не жалко, таких девочек я могу ежедневно покупать по дюжине зараз, но, когда меня разводят на бабло, это плохо отражается на моей самооценке. И тогда я становлюсь весь такой злой и раздраженный, а, как известно, все болезни — от нервов. А оно мне надо? Себя нужно беречь...

Светла была хорваткой, начинающей моделью и актрисой. Если к перечисленному добавить еще слово «телеведущая», то это бы окончательно дополнило перечень, отпечатанный на визитке любой высокооплачиваемой современной шлюхи. Уж не знаю почему, но сейчас они предпочитают именовать себя именно так. Во всяком случае, я пока еще не сталкивался ни с одной такой «актрисой, моделью и телеведущей», которая не оказалась бы у меня в постели спустя всего лишь... от часа до суток после того, как она представилась мне сим образом. Причем чаще всего время зависело исключительно от моих желаний и загруженности. Впрочем, насколько мне помнится, во времена трех мушкетеров такие дамы предпочитали именовать себя белешвейками. Так что какие времена — такие и названия... Что же касается этих самочек, у меня даже сложилось впечатление, что это не я их, а они меня соблазняют. Особенно часто это происходило где-то года полтора назад. По-моему, в моей постели за неполный год побывал весь телевизор. Все каналы, вместе взятые. То есть их женская половина, естественно... Ориентация у меня, к счастью, совершенно немодная... Впрочем, телевизионную жвачку я не смотрю уже давно, невзирая на то что в моем съеме установлено аж три штуки самых навороченных телевизоров, и у самого маленького экран дюймов пятьдесят по диагонали. Но это заморочки дизайнера, а не мои. Однако когда я в тот период время от времени включал этот

зомби-ящик, у меня сразу же возникало дежавю. Потому что вот эта, которая с ослепительной улыбкой на сорок четыре зуба вещает мне с экрана, покинула мое холостяцкое жилище не позже чем полчаса назад... а вот та в этот момент вообще плещется в моем душе. Очень меня тогда это ощущение прикалывало... Впрочем, возможно, дело было в том, что там у них, в телевизоре, как раз засилье людей с «модной» ориентацией и у всех этих «актрис, моделей и телеведущих» просто обыкновенный недотрах?..

Правда, долго эти отношения у меня не продлевались. Потому что уже через несколько дней всю разворачивался процесс сосания мозга. Мне начинали звонить, щебетать в трубку, требовать, чтобы я немедленно, сейчас же, и в Париж, и в Лондон, и в Милан, «ну как же так, пусик, ну ты же все равно туда летишь...», так что я плюнул и перешел, так сказать, на более формализованные отношения. А что? Все что мне требуется от баб в этом случае я получаю куда как более аккуратно и куда более высокого качества, да еще и нервы никто не треплет. И по деньгам выходит едва ли не дешевле.

— Мисс Светла, разрешите представиться...— завел Джек свою обычную чечетку, которую я не раз наблюдал в его исполнении в Сохо. Он был слегка двинут на викторианстве, и потому процесс «гона» у него выглядел эдак по-джентльменски старомодно.

Светла бросила на меня настороженный взгляд и, уловив мою разрешающую улыбку, кокетливо улыбнулась и протянула ручку. Джек впился в нее губами. Да уж, так можно девочке и синячок сделать. Вообще-то Джек — истинный англичанин. И по привычкам и по характеру. Со всеми вытекающими отсюда достоинствами и недостатками. Достоинства... ну то есть то, что я считаю таковыми, мне у них нравятся. Например, англичане не шибко ведутся на показную роскошь. Наши нувориши... ну ладно, и я в том числе, чего уж тут скрывать-то... одно время изо всех сил из штанов выпрыгивали, пытаясь сделаться в этой английской тусовке своими. Ибо английская тусовка до сих пор числится самой крутой на планете. То ли по привычке, то ли играет роль наличие конкретно в этой тусе такого крутого девайса, как королева, то ли дело в чем-то еще, чего я пока не сумел обнаружить, но факт остается фактом. Если тебя признали в Лондоне, то во всех остальных крутых туснях по всему миру к тебе будут относиться с уважением. И ты везде будешь считаться человеком «их круга». А вот наоборот — получается не всегда. Даже имея миллиарды, соря деньгами и будучи признанным светским львом в Торонто, Риме или Нью-Йорке (не говоря уж о нашей «деревеньке Ма-асковке»), ты все равно можешь наткнуться на поджатые губы и носить снисходительный титул «этого простоватого парня из Айовы...». Так вот, заработав бабла, мы кинулись в Лондон, чтобы

стать совсем уж «как настоящие», но оказалось, что ни безукоризненный английский, ни Vasheron Constantin на запястье, ни прислуга, состоящая сплошняком из индийцев и филиппинцев, ни наемный шофер на личном «Rolls-Royce» не служат пропуском в лондонский свет. Нет, деньги есть деньги, и, что бы там ни говорили всякие интеллигентские морды, к людям, распоряжающимся капиталом свыше тридцати миллионов фунтов, англичане относятся вполне благосклонно. Даже если эти капиталы и слегка, так сказать, с криминальным душком (а других на бывшей одной шестой части суши и не существует). Но... несмотря на то что пацаны буквально выпрыгивали из штанов, пытаясь проканать «за своих», большинство так и остались «простоватыми парнями откуда-то из Азии».

Мне в этом смысле повезло несколько больше. Причем именно повезло. Не скажу, что я как-то это просчитал или, допустим, спланировал. Нет, просто мне в какой-то момент надоело изо всех сил тянуться за «большими дядями» и изображать из себя крутого лондонского тусовщика, и я плюнул и начал жить своей жизнью. Во-первых, я резко сократил походы по ресторанам и вечеринкам и снова стал готовить сам. Ну люблю я это дело, чего уж тут... И, во-вторых, купил себе яхту. Как позже выяснилось, я сделал все абсолютно правильно. Потому что настоящий джентльмен должен иметь какую-нибудь *причуду*. Нечто такое, что как бы выбивается из некоего усредненного образа настоящего джентльмена. Ну там дом с камином, скотч со льдом, вечер в клубе, скачки в Эскоте и т. д., что так старательно копировали наши пацаны. И именно причуду, а не там... вкладывать деньги в картины, породистых лошадей, футбольные клубы или старинные замки, чем некоторые пытались заниматься. И именно иметь, а не казаться. Если ты будешь просто *изображать* увлеченного чем-то эдаким, то тебя довольно быстро раскусят. Здесь лохов практически нет, а те, что есть, наперечет... И, раскусив, пренебрежительно скривят губы и окончательно занесут тебя в список эдакого разбогатевшего быдла. Причем уже навсегда... А вот если есть нечто, чему ты отдаешься всей душой, да еще и достиг в этом неких вершин мастерства, признаваемого за тобой крутыми профессионалами, — это меняет дело. Поэтому русский мультимиллионер, обладатель роскошных двухсотметровых апартаментов на Piccadilly со штатом прислуги, собственноручно готовящий себе на обед говяжью отбивную с овощами на гриле, сразу стал им неподдельно интересен. И куда как более интересен, чем его соотечественники, толпами шляющиеся по полям пригородных гольф-клубов, проводящие вечера за бриджем и скупающие целые ложи на премьерках в «Covent Garden». И когда позже выяснилось, что это не эпатаж, а действительно настоящая, стопроцентная, классическая причуда, от которой этот русский и не

собирается отказываться, я как-то незаметно для себя был признан за почти своего. Почти, потому что совсем за своего тут признаются лишь те, за кем стоят «старые деньги». А значит, никто из моего и еще пары последующих поколений на большее рассчитывать не может. Как мне объяснил как-то по пьяни Малкольм, тоже яхтсмен и миллиардер из Аделаиды, проклятые лаймы¹ считают, что заложенным нами *родам* (буде они не только продолжатся, но и вообще случатся) надо будет лет сто регулярно стричь свои собственные газоны, прежде чем они соизволят хотя бы рассмотреть вопрос, считать или не считать вот этого конкретного потомка своим в их собственной тусе. Так что в ближайшие сто лет в *этой* тусе мы можем рассчитывать лишь на вторые роли. В лучшем случае на очень продвинутые вторые роли. Ну как у меня, который внезапно оказался едва ли не круче всей остальной толпы не только из России, но и со всего востока Европы. Но не более... Хотя мне это по большому счету было уже по барабану.

Что же касается недостатков, то больше всего меня напрягает английская манера подгрести под себя все, что им только представляется интересным. Вот так вот просто... Ты создаешь бизнес, выстраиваешь цепочку поставщиков и аутсорсеров или окучиваешь телку, но потом появляется англичанин, одаряет тебя белозубой улыбкой и ничтоже сумняшеся подгрести все под себя... то есть как минимум пытается. Мы же тоже ребята с зубками, знаете ли... И все не потому, что он такой уж крутой пацан или отмороженный подонок. Нет. Он просто считает себя, англосакса, наследника великой Британской империи, в которой никогда не заходило солнце, выше и круче всех на этой вшивой планетке. Мол, трепыхайтесь там, пока «большой дядя» не обратит на ваши дела свое милостивое внимание, а уж если обратил, то извини-подвинься. Это уже не *твои* дела, а дела «большого дяди». Так что всякое возмущение не только недопустимо, а просто глупо. Мол, ты же не возмущаешься тому, что солнце восходит на востоке, а заходит на западе. Так устроен мир. И здесь все то же самое — ну просто так устроен мир. Англосаксы — это высшая раса. А вам, уважаемый, к сожалению, не повезло родиться англосаксом, о чем мы искренне сожалеем, но ничего поделать с этим, увы, нельзя. Sorry...

И ведь что интересно, такое быкование у них повсеместное. Причем не только в бизнесе. Я знаю одну биксу из числа двинутых на идее осчастливливания человечества такими всеобъемлющими ценностями, как свобода и демократия, которая испытывает страшные душевные муки как раз вследствие того, что ей хотелось бы быть как

¹ Жаргонное морское прозвище англичан.

все. Ну там простой полячкой, украинкой или тартарианкой (это она так татар называет) и мужественно, страдая и не сдаваясь, бороться за правое дело. Но, вот ведь незадача, ей не повезло родиться англичанкой, да еще и, представьте себе, такая засада, в Гринвиче, и именно принадлежность к этому совершенно точно высшему человеческому племени как раз и заставляла ее неподдельно страдать...

Спустя полчаса Светла удалилась в спальню чистить перышки и готовиться к сегодняшнему дню, а я решил немного дернуть Джека за штаны. А то что-то он слишком разошелся.

— Сколько ты вчера продул, Джек? — разливая остатки водки по рюмкам, невинно поинтересовался я.

Джек, все это время самодовольно поглядывавший на двери, за которыми скрылась Светла, тут же помрачнел и, сграбастав рюмку, опрокинул ее в себя.

— ...— пробормотал он, — эти хитрожопые греки раздели меня почти на восемьдесят тысяч фунтов, Фэдор. И это за один вечер.

— Сегодня вечером пойдешь отыгрываться? — спросил я.

Джек усмехнулся:

— Я не настолько наивен, Фэдор, чтобы надеяться выиграть у казино. Сегодня я просто попытаюсь ограничиться парой тысяч фунтов за вечер. Я вообще не играю, чтобы выиграть. Тот, кто играет, чтобы выиграть, — глупец... или мошенник. Я играю, чтобы... разозлиться. Когда я проигрываю слишком много, я начинаю лучше работать, чтобы вернуть потери. И возвращаю свое сторицей. А потом мне становится скучно, и я... снова отправляюсь поиграть.

Я удивленно качнул головой. Да уж, неисповедимы пути Господни... Для этих заживевших европейцев даже деньги уже не стимул! Приходится вот так вот изворачиваться...

— О-о! — Рот Джека восторженно округлился.

Я оглянулся. Светла выпорхнула из дверей уже при полном параде. Что ж, она умела производить впечатление. Славянки вообще очень шикарны, возможно, сказывается смешение кровей и то, что мы своих самых красивых женщин пустили, так сказать, в оборот, а не сожгли как ведьм, как это сделали в просвещенной Европе, но в Светле было еще и личное обаяние. Она умела так подать себя, что казалась одновременно и строгой утонченной леди, и... абсолютно развратной шлюхой. Я на нее и запал когда-то как раз из-за этого... Светла царственно проследовала через ют и, наклонившись ко мне, подставила щечку для поцелуя. Это означало, что она готова отправляться развлекаться.

— О-о, мисс Светла... вы неподражаемы.

Джек вскочил на ноги и также потянулся к щечке Светлы, дохнув ей в лицо водочным перегаром. Но эта стервочка и бровью не повела.

Покосилась на меня и, не увидев в моих глазах неудовольствия, позволила поцеловать себя, незаметно попытавшись сунуть в руку Джеку визитку с координатами ее эскорт-агента. Я было напрягся, но затем решил — какого черта! Эта сучка, конечно, — высший сорт, но контракт со мной у нее истекает через четыре дня, а продолжать с ней отношения я в ближайшее время не планировал. К тому же я начал улавливать признаки того, что в эти оставшиеся четыре дня она явно собирается предпринять попытку стать моей если не женой (*такой* глупости от нее все-таки пока ожидать не приходилось), то хотя бы постоянной, то есть штатной, любовницей. Так что появление Джека и то, что Светла сделала на него стойку (ах, настоящий англичанин, высшее существо, хозяин мира!), пожалуй, можно было бы посчитать даже благом. Оценив ситуацию, я решил отойти в сторону и полюбоваться на вечный ритуал приглашения к осеменению в исполнении Светлы и Джека...

Четыре дня пролетели довольно быстро. Брачные танцы, которые Джек исполнял перед Светлой все эти дни, заметно прибавили мне сил и желания. И последние четыре ночи мы со Светлой, возвратившись на яхту еще до полуночи, тут же прыгали в койку, но засыпали только часов в пять утра. Недаром психологи утверждают, что в сексуальном отношении и мужчины и женщины — настоящие животные. И если на твою женщину претендует другой самец, ее привлекательность в твоих собственных глазах резко возрастает. К тому же все эти четыре дня моя «модель и актриса» была просто паинькой...

Короче, через четыре дня они провожали меня в аэропорту Салоники, где меня ждали мои закончившие регламентные работы «крылышки», уже вдвоем. Джек прямо сиял, а вот в глазах Светлы мне, пожалуй, почудилась легкая грусть. Хотя, возможно, мне показалось.

Москва встретила меня дождем. Забрав со стоянки в Домодедове свой «Morgan» (мне за рулем хорошо думается, поэтому я редко напрягаю своего водителя), я неторопливо катил в сторону города, когда зазвонил мой мобильник. Бросив взгляд на экран, я усмехнулся. Значит, Шурику Легионеру уже доложили, что я прошел пограничный контроль...

— Алло?

— Привет. Уже дома?

— Можно сказать и так, — лениво отозвался я. Европа меня всегда немного расслабляет.

— Есть инфо, — коротко сообщил Легионер. — Подкатайшь?

— А оно надо? — все так же лениво буркнул я, хотя под ложечкой уже засосало.

Легионер числился в том кругу, к которому я принадлежал, кем-то вроде бюро Пинкертона. Этакой внешней службой безопасности. Нет, своя собственная у меня тоже была, но здесь, по эту сторону границы, я нынче старался быть осторожным и не особенно использовать криминальные методы ведения бизнеса. Тем более что существенная часть моего бизнеса находилась за пределами границ бывшей империи зла. Так что местные расклады мои ребята отслеживали постольку-поскольку, сосредотачиваясь на обеспечении безопасности за рубежами нашей бывшей большой родины. Там тоже были хваткие ребята, с которыми следовало держать ухо востро. А Легионер больше работал здесь. Хотя и там связи имел мощнейшие. Во многом именно поэтому мы с ним и сошлись. Хотя *там* я предпочитал обходиться собственными силами. Информация владеет миром, знаете ли... дашь кусочек лишней информации — и, глядь, твой бизнес уже и не твой. А сотрудничать *не давая* информации (причем даже если ты ее *заказываешь*), пока никто не научился. Так что чур меня...

Сам Легионер был выходцем из того, что называется секретными службами. Откуда конкретно он взялся — из КГБ, ГРУ или там сусловской конторы, я не уточнял. После развала начала девяностых он ушел, помотался по миру и даже умудрился отслужить во французском Иностранном легионе, вследствие чего и обзавелся таким прозвищем. Но, получив вождеденное для многих французское гражданство, отчего-то не остался там, а вернулся. И создал крутейшую охранную фирму, которая имела доступ к такой информации, что любому было совершенно ясно: без тесных контактов со спецслужбами обойтись тут никак не могло. Единственное было непонятно, когда и чьим агентом являлся Легионер — ФСБ (или чего там) во Франции или французских спецслужб (а может, и еще кое-чего) у нас... Впрочем, для меня более важным было то, что Легионер приглашал меня заехать и ознакомиться с инфой. А это означало, что у меня назревают неприятности. Я вздохнул. Ну почему у нас всегда так? Наезды, бомбы, снайперы или, не дай бог, рейдеры. Впрочем, последних я боялся не особенно. Все фирмы, с помощью которых я делал деньги, были не только зарегистрированы в офшорах, но еще и заложены-перезаложены так, что *вроде бы* уже и не принадлежали мне, а никакой коммерческой или производственной собственности на территории страны у меня не было. Все, чем я пользовался — склады, терминалы, фуры, было взято в аренду и лизинг. Деньги делают деньги, и не хрен их овеществлять — таков мой принцип...

— Вот, ознакомься. — Легионер протянул мне распечатку.

Я быстро пробежал глазами несколько листков и поднял взгляд на Легионера.

— Ничего не понял...— признался я,— какое-то совпадение генных кодов... тело как антенна... сознание как поле... И ты из-за этой мути не дал мне спокойно добраться домой?

Легионер поморщился:

— Да, я показывал специалистам. Они также считают, что все это чушь. А тебе я дал это прочитать, потому что это распечатка беседы одного типа, приближенного к Хромому, с каким-то чудиком-ученым. А Хромой очень недоволен твоей последней сделкой с малайзийцами.

Я довольно усмехнулся. Да уж, Хромого я сделал на повороте как стоячего. Этот урод явно влетел миллионов на двадцать как минимум. А нечего лезть на поляну, на которой уже все давно поделено.

— Да имел я этого Хромого...— лениво отозвался я.

Легионер неодобрительно покачал головой. Он не любил грубостей. Ну да это его проблемы...

— И чего мне теперь ждать? Пули или бомбы?

— Пока не знаю,— пожал плечами Легионер,— работаем. В данный момент информации о том, что Хромой кого-то нанял, у меня нет. И даже попыток выходов на кого-то не засекли. Вот только с этим ученым ковыряются. Мы на всякий случай его пробрили по полной, но никакой опасности не обнаружили. Типичный изобретатель вечного двигателя. Создал в своем воспаленном мозгу очередную гениальную теорию, в соответствии с которой пытается осчастливить весь мир. Совсем непонятно, чего это Хромой с ним возится...— Легионер вздохнул.— Ладно, будем работать. Но ты того, поберегись.

— Хорошо,— кивнул я и, минуту помедлив, набрал номер Константина, начальника моей собственной службы безопасности.

Я очень не люблю, когда вокруг меня толпится туча постороннего народа, поэтому даже дома стараюсь обойтись минимумом прислуги, но предупреждения Легионера были из области тех, которые не следовало игнорировать. В конце концов, у меня отлично обустроенная, полностью устраивающая меня жизнь, и нет никакого резона лишаться ее из-за глупой бравады или небольших бытовых неудобств. Поэтому, так и быть, потерплю рядом парочку накачанных рыл. В крайнем случае будет за кого спрятаться. Я даже не подозревал, что моя такая уютная, удобная и обустроенная жизнь на самом деле доживает последние минуты...

Часть первая

ЗАДАНИЕ — ВЫЖИТЬ!

1

Я лежал на кровати и пялился в потолок. В комнате было тихо. Ну почти... только шелестели по углам и под кроватью лапки многочисленных тараканов... Спать не хотелось. Совершенно. Я специально проспал весь день, чтобы никто не маячил перед глазами и не пытался меня расспрашивать. Потому что отвечать на вопросы я не мог. И, представьте себе, как бы по-идиотски это ни звучало, не столько даже потому, что сам не мог ничего понять и объяснить, а в первую очередь потому, что не знал... русского языка. Ну не анекдот ли? Так что сна у меня не было ни в одном глазу. А встать и заняться чем-то полезным у меня также не было никакой возможности. Потому что если бы я это сделал, то мамка, спящая на лавке в небольшом предбаннике с той стороны двери (хорошо еще, что там, потому что первые два дня они вообще постоянно торчали тут, в моей спальне), тут же кинулась бы за иноземным дохтуром, немчином Клаусом Миттельнихом. А сей дохтур мгновенно влил бы в меня успокаивающую настойку, от которой сознание сразу же становилось мутным, тянуло спать, а потом жутко мучила изжога. У них тут что, медицинские препараты специально делаются такими, чтобы принимать их хотелось как можно меньше? Впрочем, я вообще не знаю медицинских препаратов, даже приятных на вкус, которые нормальному человеку в здравом уме и твердой памяти хотелось бы принимать...

Сюда, в это тело, тело сопливого десятилетнего мальчишки, я попал четыре дня назад... Сначала я воспринял все происходящее как бред. Не, ну славно, вот только что нормально ехал к себе домой, а потом очухиваюсь неизвестно где, без трусов (их здесь не носят, прикиньте?!), лежащим на какой-то огромной и страшно неудобной кровати. А надо мной склоняются какие-то бородатые рожи в высоких шапках. Ну естественно, я заорал! А вы что, не заорали бы, если бы вам приснился такой кошмар? Сильно сомневаюсь. И все эти бородатые рожи внезапно загомонили, заголосили, причем как-то совершенно по-чуждому. Причем на совершенно незнакомом мне язы-

ке. То есть нечто знакомое как-то... угадывалось, что ли, но было при этом неким образом вывернуто и почти совсем утонуло во всяких там «аз», «еси», «реку», «сиречь» и туевой хуче остального непонятного. Я немного полежал в полной прострации, пялясь на все, что творилось вокруг меня, а затем, слегка очухавшись, попытался собрать мысли в кучку и спустя некоторое время пришел к выводу, что, несмотря на то что не помню, где я, когда и как сюда попал, скорее всего, я где-то за границей. Ну разве может подобный цирк твориться дома? А вот где-то далеко за рубежами... ну ведь разные же места есть. Это только из какой-нибудь Верхней Салды волшебная «заграница» вся скопом кажется землей обетованной, а посмотрели бы салдинцы на какую-нибудь Сомали или Бангладеш... На нашем шарике есть такие места, что тридцать раз перекреститься, что живешь в каком-нибудь благословенном Урюпинске, а не там. Уж я-то знаю, бывал... как турист, естественно, и в сопровождении пикапа с охраной. Поскольку унылая европейская ухоженность человеку, прошедшему через самую гущу лихих бандитских девяностых, довольно быстро наскучивает, и начинает хотеться чего-нибудь эдакого, щекочущего нервы и вбрасывающего в кровь адреналин. Так что у меня и мысли не возникло, что я где-то в России. Поэтому я и заговорил по-английски:

— Excuse me, could you help me to get in touch with the nearest consulate of the Russian Fe...¹

Причем начал я довольно бойко, но, едва произнеся эту фразу, тут же заткнулся. Потому что голос был не мой. Ну совсем не мой. Какой-то странный, писклявый, совсем детский. Но на окружающих это мое заявление отчего-то оказало совершенно другое воздействие. Гомон стал более громким и, я бы даже сказал, радостным, что ли. Хотя отметил я это как-то мельком, поскольку меня сейчас занимало другое. Я выпростал руки из-под одеяла, которым был укрыт, и округлившимися от удивления глазами уставился на них. Это были не мои руки! Это были руки ребенка! Такие пухлые детские ладошки, эти его мать... А когда в горницу ворвался еще один бородастый мужик, правда, в немного другой шапке, красивой такой, расшитой, с меховой опушкой, с крестиком на макушке, и, наклонившись надо мной, заботливо спросил что-то вроде: «Уз есмь здоровше же ныне санок?» — я не выдержал и заорал во второй раз. А затем потерял сознание.

Следующий раз я очнулся ночью. Еще не открыв глаза, я понял, что лежу все на той же жутко неудобной кровати, представлявшей собой примитивную деревянную раму, на которую было навалено

¹ Извините, вы не могли бы помочь мне связаться с ближайшим консульством Российской Фе...

несколько, чуть ли не семь штук (хотя точную цифру я установил много позже), пуховых перин. Так что у меня от совершенно идиотского положения тела жутко затекли руки и ноги, а также разболелась поясница. Рядом с кроватью на чем-то вроде табурета сидела и дремала какая-то бабка, одетая в глухое длинное платье и закутанная до бровей в платок, смутно напоминающий хиджаб. В комнате было сумрачно, но полностью захватить власть темнота не могла, поскольку в углу, под потолком, тускло горел примитивный масляный светильник.

Я осторожно огляделся. С прошлого пробуждения ничего не изменилось. Я задумался. Итак, вариант один — я брежу. Накурился травки, и все, что вокруг меня, это качественный и глубокий наркотический бред. Иного объяснения всему происходящему нет и быть не может. Все! Точка! Правда, я совсем не помнил, когда и с кем решил покурить травки. Последний раз я это делал в прошлом году в Копенгагене, в Христиании, куда я по приколу забурился аж на целую неделю. Классная неделя была, между прочим, но на большее меня не хватило. Совершенно травяное существование там. Не по мне... Да и трава эта тоже поднадоела. От нее после всего так во рту горчит и сушит... и никуда не хочется... Нет, я не исключал, что еще раз, как-нибудь, в будущем, мне опять ненадолго захочется чего-нибудь этакого, полной расслабухи, причудливых глюков и всего такого прочего, и я опять уеду в Копенгаген или в Амстердам покурить травки. О более тяжелых наркотиках и речи не шло. Я имею против них стойкое предубеждение. Но пока такого желания как-то не возникало. Так с чего бы это я? Непонятно... Но по большому счету это неважно. Потом вспомню. Когда выйду из глюка. А пока надо всего лишь немного подождать. Успокоенный этими мыслями, я повернулся на бок и уснул...

Пробуждение было гнусным. Несмотря на то что в комнате было светло — глюк никуда не исчез. Около кровати по-прежнему сидела какая-то старуха, одетая почти так же, как и та, что ночью, и вязала на спицах. То есть это я думаю, что она вязала, поскольку как на самом деле выглядит это занятие, я как-то не удосужился узнать. Не было ни случая, ни интереса. Я некоторое время лежал, разглядывая ее из-под полуопущенных век, а затем не выдержал и зевнул во весь рот. Старуха вздрогнула и, оторвавшись от вязания, уставилась на меня. Ну а я соответственно на нее.

— Поздорову ли, сарвич? — проскрипела она.

Или нечто очень похожее. Во всяком случае, я понял эту фразу как то, что она интересуется здоровьем, причем моим... Тут до меня дошло, что я понемногу начинаю врубаться в то, что говорят. И это снова крепко меня испугало. Я лихорадочно огляделся. Нет, это бред

и только бред... А может, меня украли и сейчас держат под наркотиками? Недаром Шурик Легионер предупреждал меня, что моя последняя сделка с малайзийцами очень не понравилась Хромому. Как, несомненно, и моя реакция на это предупреждение... Вот, точно! Так и есть! Поэтому глюк и тянется так долго. Мне просто не дают возможности из него выйти... В любом другом случае эта информация меня вряд ли обрадовала бы, но сейчас я почувствовал себя явно лучше. Потому что любые разборки с Хромым все одно были лучше, чем воплощение в реальности того, что я наблюдал вокруг себя. Нет, никаких ужасов, монстров или прочей мути, совершенно точно показывающей, что я в бреду или в глюке, вокруг не наблюдалось, но признать, что я — это я, причем этот я, который здесь, находится в теле сопливого пацана, было для меня невыносимо. Поскольку это пахивало религиозными бреднями и переселением душ. А я человек жестко конкретный и верю только в то, что можно потрогать руками.

Между тем старуха, безуспешно пытающаяся что-то у меня вызнать, вскочила на ноги и быстро куда-то умелась, хоть ненадолго перестав капать мне на мозги. И я решил воспользоваться моментом и оглядеться. Несмотря на то что все виденные мною в этом глюке мужчины были сплошь бородаты, а женщины одеты в плотные одежды и укутаны в платки, что явно наталкивало на мысль об ортодоксальном исламе, в углу комнаты обнаружили иконы. Вроде бы... Я в этом не большой специалист и иконы видел издали, в церкви, а дома у меня их как-то не было, но, во всяком случае, то, что там висело, больше всего было похоже именно на них. К тому же тот самый масляный светильник, обнаруженный мною во время прошлого ночного пробуждения, оказался лампадкой. Стены моей спальни были бревенчатыми, причем на них явно пошел настоящий дуб, а не обычная сосна. В углу комнаты, за спинкой кровати, располагалось окно. О нем я не мог сказать ничего конкретного, кроме того, что оно было довольно небольшим, витражным и пропускало свет не слишком хорошо. Само окно с той точки, в которой я находился, было не видно, но на полу виднелся вытянутый прямоугольник, перечеркнутый темными полосами геометрического витража. Я еще раз выпростал руки из-под одеяла и внимательно осмотрел их. Ладони были небольшие, но с некими уплотнениями на подушечках, какие у меня образуются, когда мой тренер назначает мне курс работы с утяжелениями. Не мозоли, нет, просто уплотненная кожа. Хм, с какими это утяжелениями в этом глюке работают десятилетние пацаны?.. На среднем пальце левой руки имелся небольшой шрамик, как от пореза, а подушечка указательного пальца правой носила уже едва заметные следы чернил. И все это меня очень обеспокоило. Какой-то

очень подробный и, как бы это выразиться, бытовой глюк получается. Я покачал головой.

В этот момент за дверью послышались голоса, шум шагов, и спустя мгновение в мою спальню ввалились несколько человек, на которых я отреагировал. Нет, я не заорал, и у меня в голове не возникло никакого нового и до сих пор недоступного мне языка, на котором я вдруг начал изъясняться, как будто я его знаю. В этом смысле все было отнюдь не как в глюке. Но вот на людей, вошедших в мою комнату, мое тело явно отреагировало. Шедший первым мужчина с бородой заставил меня этак облегченно расслабиться, как будто теперь, в его присутствии, все стоящие передо мной проблемы непременно будут решены. Второй, одетый несколько опереточно и с выбритым подбородком, наоборот, заставил настороженно напрячься, а вот третьей, невысокой и сухощавой женщине со смуглым лицом и слегка, совсем чуть-чуть, раскосыми глазами я откровенно обрадовался. То есть не я, конечно, а мое тело. И именно эта реакция внезапно окончательно убедила меня, что все, что происходит со мной, это никакой не глюк, а самая настоящая реальность. Поэтому я несколько мгновений пялился на вошедших совершенно круглыми от ужаса глазами, а затем снова заорал и в очередной раз потерял сознание. Впрочем, как выяснилось дальше, это было в последний раз...

В себя я пришел довольно скоро. Наверное, через минуту-другую. Все, кто ввалился в мою спальню, еще были здесь. Мужик с гладко выбритым подбородком сидел на моей кровати и держал меня одной рукой за запястье. Вторая же рука была как-то странно согнута, так что он касался кончиками пальцев своей шеи. Несколько мгновений я недоуменно взирал на это действие, а потом до меня дошло, что этот дядя, похоже, доктор и сейчас он щупает мой пульс. Вот только что там у него со второй рукой, мне было непонятно. Но непонятного тут вообще было выше крыши. Я решил пока не демонстрировать того, что очухался, а полежать некоторое время с почти закрытыми глазами, изучая обстановку и прислушиваясь. Уж если это не глюк, стоит разобраться, куда это я действительно попал и кем я тут числюсь...

— Угу-м,— глубокомысленно заявил дядя и одновременно изменил положение обеих рук, опустив левую, а правую положив мне на лоб.

После чего он раскрыл мне рот, зачем-то внимательно осмотрел зубы и небо, почему-то не обратив никакого внимания на язык, а потом... засунул свой палец мне в нос и очень внимательно уставился на извлеченную оттуда... ну не соплю, конечно, но что-то вроде... Короче, мужик жог!

Рассмотрев все извлеченное из моего носа, доктор ничтоже сум-

няшеся вытер руки о простыню, на которой я лежал (вот урод!), и, повернувшись к бородатому, заявил:

— Состояние носовой слизи вполне удовлетворительное, вследствие чего я могу сделать вывод, что и головная железа функционирует нормально¹. Пульсация тела также в пределах нормы. Нёбо и десны — здорового цвета. Так что, херр Тшемоданов, я не диагностирую признаков отравления.

Бородатый озадаченно покачал головой.

— Вишь, оно как...— протянул он.

А до меня дошло, что врач-то, оказывается, говорил по-немецки. Я знаю немецкий не так хорошо, как английский, но гораздо лучше, чем польский и китайский. Тысячи три слов. Вполне достаточно для нормального бытового общения. А для уточнения нюансов всегда можно перейти на английский, им я занимался уже серьезно. А куда деваться? Деловые люди всего мира общаются исключительно на английском...

Так вот, немецкий я знаю. Но этот доктор говорил на другом немецком. Он отличался от того, который я знал, приблизительно так же, как тот язык, на котором говорили те, кого я тут успел услышать, отличался от русского. То есть нечто знакомое слышится, смысл понять можно, но существенная часть слов будто нарочито искажена или подменена другими, похожими лишь отдаленно и скорее смысловом, а не по звучанию. Ну как в украинском железная дорога называется «зелязницей», а в белорусском «чугункой». Во фразе, в контексте — поймешь, а отдельным словом — хрена. Впрочем, и с контекстом тоже иногда были напряги. Хотя это вполне объяснимо. Ну из какого контекста можно понять, что польское слово «урода» означает «красавица»? Максимум что решишь — стебаются...

— А можа, порчу навели? — задумчиво проронил мужик.

— С сим уже не ко мне,— сухо отозвался немец и, соизволив наконец оторвать задницу от моей кровати, поднялся на ноги и расправил торчащие из рукавов манжеты рубашки.— Я приготовлю питье, которое позволит саревииш менее остро реагировать на окружающее,— заявил он, направляясь к двери.

Бородатый проводил его взглядом, а затем повернулся к женщине.

— Ты, знамо, вот что, Суюмбике,— гулко начал он,— тута сидай. Мало оно что... А я-ста пойду... Эх ты! — обрадованно рывкнул он.— Царевич! Оклемался небось?

Я открыл глаза. Раз уж мужик обнаружил, что я очнулся, смысла

¹ Долгое время медики считали, что мозг — это железа, функцией которой является выработка слизи, «исходящей из тела через ноздри».

щуриться больше не было. Мужик расплылся в участливой улыбке, причем она явно была искренней.

— И поздоровша ли? — взволнованно спросил он.

Я робко улыбнулся в ответ и промолчал. А что было ответить. В отличие от попавших в чужие тела героев фантастических романов, читанных мною очень давно, в детстве и самом раннем юношестве, в голове у меня было пусто. То есть не совсем, конечно, все мое было со мной, но никаких чужих воспоминаний, навыков и знаний, ну там языка, умения фехтовать или держаться в седле, не наблюдалось. Хотя проверить последнее пока случая не было. Впрочем, держаться в седле я умел... немного. Ну, скажем, мог, не отбив себе зад, выдержать часовую конную прогулку. Своей лошади у меня не было, но в Малаге, где у меня был дом, я прошел любительский курс обучения верховой езде и частенько арендовал андалузца, на котором катался по окрестностям. Андалузцы мне очень нравились. Конечно, не арабы и англичане, но зато стоят вполне приемлемо, и вообще очень популярная любительская порода, так что я даже рассматривал вопрос купить себе такого и отвезти в Москву, но пока еще не сподобился. Пока еще, ну да... Так вот, никаких таких знаний и умений у меня в голове и остальных частях тела не оказалось, и я счел за лучшее промолчать, чтобы по незнанию не ляпнуть чего-то, что может быть расценено как совсем уж непотребное.

Мужик, глядя на мою улыбающуюся физиономию, задал еще пару вопросов, и с каждым последующим в его голосе звучало все больше и больше беспокойства, а затем обжег взглядом женщину, рывкнул ей:

— Сидай тут! — и вылетел из спальни.

Та послушно шмыгнула на табурет и замерла, уставившись на меня встревоженным взглядом. Я слегка перевел дух. Итак, подведем первые итоги. Я... где? Вариантов было несколько. Например, в программе «Розыгрыш». У них довольно нехилый бюджет и все возможности для найма актеров. К тому же у меня есть масса друзей-приятелей, которым финансы позволяют нанять всю группу (или труппу) программы для устройства мне такового в индивидуальном порядке. Причем не заморачиваясь съемками. Только лишь для получения удовольствия. Но как им в таком случае удалось добиться того, что мне кажется, будто я в теле ребенка? Или не кажется, а так оно и есть? Я покосился на сидевшую у кровати женщину и, решительным жестом откинув одеяло, уставился на свое тело. Нет, все верно — пацан, лет десять, а то и меньше, слава богу, не обрезанный, коленка слегка поцарапанная... Женщина испуганно вскрикнула и заговорила на каком-то языке, в котором вроде как проскальзывали знакомые слова, но от русского он был еще дальше, чем тот, на

котором изъяснялось большинство тех, кого мне здесь довелось слышать. Осознав, что я не реагирую, она поднялась и накинула на меня одеяло, чему я не стал препятствовать. Все, что мне нужно, я уже посмотрел.

Ладно, второй вариант, который стоит принять за рабочий,— мое сознание каким-то странным образом удалось переселить в чужое тело. Как? А хрен его знает. Черт! Я же читал нечто подобное в тех материалах, что дал мне Легионер... Тогда мне все это показалось полной мурой, но... отсюда, *из этого тела*, оно уже таковым не смотрится. Значит, во всем виноват Хромой... Ну сука! Попадешься ты мне... Я разжал непроизвольно стиснутые зубы и тихонько выдохнул. Ладно, Хромой, похоже, тоже попал. Кого бы и как он там ни собирался посадить в *мое* тело, тот мужик тоже оказался в крайне неприятной ситуации. Он же тоже ни хрена не знает. Ни паролей, ни кодов, ни номеров счетов... такие вещи я предпочитаю держать в голове. На память, слава богу, я никогда не жаловался. Так что единственное, что этот урод может сделать,— это вынести Хромому содержимое ящиков моего рабочего стола. А стоит ему только начать влезать в дела, как Костя его моментом раскусит. Были у нас с ним некие наработки, тайные жесты, знаки, долженствующие показать окружающим, что я нахожусь под контролем или, наоборот, все в порядке... Ничем эта операция Хромому не поможет. Ладно, оставим его в его юдоли. Мне бы сейчас со своими проблемами разобраться.

Итак, примем как факт, что я в теле десятилетнего пацана, и идем далее. Где находится это тело? Хм... если бы не оно, то программа «Розыгрыш» подходила идеально. Декорации, актеры, язык... но если план Хромого удался, ничего такого он оплачивать бы не стал. Скорее он закатал бы меня в бочку и сбросил с вертолета где-нибудь в море Лаптевых, чтоб помучился... а самое верное — просто и банально пришел бы. Ну или посадил бы на цепь в подвале собственного дома и время от времени спускался полюбоваться, в какое положение загнал борзоту, посмевшую открыть на него пасть. Впрочем, последнее вряд ли. Времена нынче не те. Опасно. Чичу вон аж в Лондоне достали. А что человек сделал-то? Просто проучил урода, залезшего в его карман.

Значит, примем как данность, что все, что меня окружает,— это обычный быт тела, в котором я оказался. Я еще раз огляделся. Бревчатые стены, иконы, лампада, какой-то странный язык, одежда, очень напоминающая старинную... Таежный тупик? Была во времена моей юности в «Комсомолке» серия репортажей про семью староверов, бежавшую глубоко в тайгу и обустроившуюся там. Но каким боком тут доктор-немец? Тоже старовер? За-абавно... И тут я при-

помнил, как меня назвал тот мужик, и едва снова не заорал. Потому что это уже не лезло ни в какие ворота! *Царевич?!!*

В этот момент мне пришлось отвлечься, потому что за дверью снова послышались голоса, топот, и в мою спальню ввалились еще несколько человек, возглавляемых тем самым бородатым мужиком и немцем-доктором. Сзади них мельтешили еще три толстых бородача, отчего-то одетых в огромные, делавшие их фигуры просто необъятными, шубы, и с высокими посохами в руках. Доктор подошел к кровати, уселся на прежнее место и снова ухватил меня за руку, как и прежде расположив свою вторую руку у себя на шее. Я слегка отодвинулся. Если он снова полезет своими пальцами мне в нос — я его двину. Но, слава богу, на этот раз доктор никуда не полез. Только ощупал мне всю башку и живот. Мужик с бородой взволнованно замер рядом.

— Ви есть как чувствовать себя, саревииш? — на сильно ломаном русском спросил у меня немец.

Я снова молча улыбнулся. А что еще, спрашивается, я мог сделать? Заговорить на том русском, к которому я привык? Хрена с два! Судя по одежде, архитектуре (я пока что видел ее лишь изнутри, да еще в одном-единственном помещении), предметам быта, а также тому, что меня именовали царевичем, я, похоже, угодил куда-то в далекое прошлое. Причем в допетровские времена. А тогда, насколько я помню школьный курс, исторические романы и фильмы (не слишком достоверные и точные источники, конечно, но уж что есть...), в ходу были жуть какие суеверия. Еще решат, что в царевича, то есть в меня, бес вселился — и все, кранты. Так что я лучше пока помолчу. Попробую поиграть в потерю памяти. Тоже в принципе рискованное занятие. Ну кому нужны убогие в царевичах? Но тут уж как повезет. Понадеемся на родительскую любовь и большие финансовые и властные возможности папика. Авось вытянет...

Немец нахмурился и неожиданно повторил вопрос по-немецки. Опаньки! Значит, пацан, в теле которого я оказался, учил немецкий. Так-так... уже лучше. Значит, меня тут чему-то основательно и планомерно учат. Следовательно, есть возможность довольно быстро собрать необходимую мне информацию. Конечно, лучшим способом собрать информацию является метод «погружения в среду», что мне здесь вполне обеспечено, но наличие поблизости учителей, то есть людей, в чьих функциональных обязанностях закреплено выслушивать мои вопросы и давать на них ответы, совершенно точно изрядно облегчит мне вживание в местные реалии. Между тем немец, все так же хмурясь, повернулся к бородатому мужику и произнес по-немецки нечто вроде:

● Орел расправляет
крылья ●

Часть первая

ПОКОЙ НАМ ТОЛЬКО СНИТСЯ

1

— Государь?

Я поднял голову. На пороге моего кабинета, отворив дверь, стоял патриарх Игнатий. Святейший Иов дожил до великой победы в Южной войне и отошел в мир иной, успокоенный тем, что Русь наконец окончательно избавлена от крымской угрозы. Последние полгода он начал слепнуть, а сразу после заключения перемирия и отправки великого посольства к турецкому султану для подписания мирного договора захворал и начал быстро слабеть. Верно, в последнее время оставаться сильным и энергичным ему помогало только осознание того, что Русь ведет тяжкую и почитай священную для страны войну, в коей все должны держаться изо всех сил и стойко нести возложенное на них Господом и государем бремя. А как стало ясно, что дела вроде как пошли на лад, — эта державшая его железная воля ослабела, и уже порядком изношенный организм начал давать сбои. Он ушел тихо и мирно, заснув вечером в своей келье, а утром служба обнаружил его уже бездыханное тело. Мне было немного обидно, что я так и не попрощался со стариком, поскольку все лето мотался по причерноморским и приазовским степям, обустроивая новую южную границу. Но — лучше уж уйти так, чем страдая и мучаясь. Святой был человек, недаром Господь послал ему столь легкую смерть...

— Заходи, святейший, — ответил я, поднимаясь ему навстречу.

Новый патриарх был одним из трех человек, коим я даровал право входить мой кабинет без доклада. Так же как Иов был верен моему отцу, так и Игнатий был верен мне, ибо точно знал, что лишь благодаря мне он, иноземец по рождению, да к тому же пользующийся в церкви не столь уж большим авторитетом, был избран на сей высокий пост. Например, митрополита Казанского Гермогена, человека действительно мощного, волевого и до предела преданного православию и церкви, на Поместном соборе поддерживало куда больше народу. Были и другие сильные кандидаты. Но я сумел продать

кандидатуру Игнатия, лично переговорив с несколькими десятками наиболее авторитетных иерархов и напомнив собору, что Игнатий «стоял вместиах» со мной во время поединка с колдуном-Самозванцем. Поединок тот уже стал абсолютной легендой, обрастая таким количеством всяческих слухов и сплетен, что правда оказалась похоронена под их многометровым слоем... Потому что сейчас мне нужен был именно такой патриарх — послушный, гибкий, предпочитающий не столько обеими руками и зубами держаться за древние каноны и установления, сколько способный реально реформировать церковь. Ибо, на мой взгляд, православная, то есть самая древняя, изначальная христианская церковь на данном этапе заметно проигрывала и католицизму, и бурно распространяющемуся сейчас протестантству. А для меня православие было не только самим корнем, духовной основой русского народа, но еще и сильным ресурсом русского государства.

Православная церковь должна была стать мощным инструментом распространения его влияния в мире, так же как и это самое государство должно было всемерно способствовать возрождению влияния православия. Но пока этот инструмент, несмотря на всю свою глубинную, скрытую мощь, был тяжел, неповоротлив, весь в заусенцах суеверия, незнания и рефлекторного отвращения к новому. Так что его предстояло хорошенько перековать. И потому сейчас мне нужен был во главе церкви человек, который будет не только *наставлять меня*, как с точки зрения церкви, веры и древних традиций следует в том или ином случае поступать государю, и защищать передо мной интересы митрополитов, епископов и игуменов многочисленных монастырей, а, наоборот, проводить в церкви *мою* политику. И добиваться от церкви изменений в соответствии не столько с теми задачами, которые буду ставить ей я (ну кто я такой, чтобы ставить задачи тому, что имеет за собой опыт тысячелетий?), сколько с теми, что уже поставил перед ней этот меняющийся и начинающий динамично, невиданно для всех предшествующих тысячелетий разгоняться мир. И Игнатий стопроцентно отвечал этим требованиям.

Патриарх степенно и солидно вошел в мой кабинет. Вид этого кабинета за последние пять лет претерпел сильные изменения. Во-первых, я обзавелся более привычной мне мебелью, поставив себе нормальный рабочий стол, с диковинными для сего времени выдвижными ящиками, которые, вследствие того что первый вариант ящиков я даже пустыми с трудом выдергивал из своих ячеек двумя руками, были оснащены маленькими бронзовыми колесиками. Чуть впереди, но не примыкая к нему, располагался стол для совещаний, окруженный ввиду полного отсутствия здесь стульев массивными

креслами. Я считал, что те, кто заходит в мой кабинет, должны говорить мало, излагать дело быстро и по существу. Поэтому никаких кресел для посетителей не предусматривалось. А если мне надо пообщаться подольше, так лучше я сам выйду из-за рабочего стола и присяду с человеком или с несколькими людьми за стол для совещаний. Лавки остались только вдоль одной из стен. Вдоль второй выстроились железные, но украшенные витой проволокой и эмалью металлические шкапы для бумаг, а также два шкапа деревянных, с открытыми полками, в которых я держал, так сказать, первоисточники — книги древних авторов, Священное Писание, жития, Деяния апостолов и так далее. По современным традициям в деловой и дипломатической переписке требовалось непременно вворачивать в текст цитаты из Священного Писания, и хотя я теперь благодаря обучению в царевой школе многое знал наизусть, иногда требовалось подсмотреть точную формулировку. У дальней стены, как и прежде, располагалась печь, а вот освещение слегка изменилось. Вместо свечей я велел изготовить свечные лампы, оснащенные зеркалами из полированного серебра. Поскольку стеклянные зеркала в России делать еще не умели. Их вообще умели делать лишь в Венеции, и стоили они просто немерено. За такую сумму, что просили за одно зеркало, во Франции можно было бы купить солидное поместье¹... Ну, естественно, я сразу же, как услышал эту информацию, тут же сделал стойку. Ибо, вследствие того что наш основной торговый порт Архангельск имел крайне короткий период навигации, в торговле с Европой мне приходилось делать основную ставку на эксклюзивный товар. Так что после того, как я свернул программу массовой стажировки, оставив в каждой стране только по одному своему представителю, в Венеции я оставил аж троих. И велел встать на уши, но сманить-таки несколько мастеров-стекольщиков с острова Мурано. Однако пока результатов не было...

— Пришел ответ от Константинопольского патриарха, государь, — сообщил мне Игнатий и, повинуясь моему жесту, присел в кресло у стола для совещаний.

Я расположился напротив.

— И что он пишет?

— Вот, ознакомься. — Игнатий протянул мне грамоту.

Я быстро пробежал глазами написанный на греческом текст, хмыкнул и вернул грамоту патриарху.

— Ишь как витиевато денег просит... Другой бы сразу и не понял.

Игнатий сдержанно рассмеялся. Он был тот еще пройдоха, да к

¹ Реальный факт. Именно после подобного обмена — зеркало на поместье — Людовик XIV повелел заплатить любые деньги, но сманить-таки мастеров из Венеции во Францию.

тому же выходцем как раз из той самой стонущей под османами Греции и все прекрасно понимал.

— Ну... главное, чего мы от него просили, он исполнить согласился, — констатировал я. — А денег — дадим. Деньги есть. Да и отбояриваться тем, что, мол, только эвон отвоевали, — уже неместно. С окончания Южной войны уже пять лет прошло...

За эти пять лет в стране многое изменилось. Была окончательно обустроена южная граница. Вторую крепость на Перекопе решили не ставить, она была не нужна, потому что никаких крымских татар в Крыму больше не было. Жалкие остатки этого народа дружно решили убраться куда подальше, рассеявшись по просторам действительно великой Османской империи. Так что южные границы охраняли две крупные крепости, в которых я держал гарнизоны по пять тысяч человек, и две поменьше — Темрюк, отданный мною донским казакам, уже начавшим перебираться на реку Кубань, и Край, заложенный в устье Дона и занятый малым гарнизоном запорожцев¹. До конца осады Очакова их дожило всего около шести тысяч, и, поскольку Озю-Кале по подписанному мною и Ахмедом I договору снова переходил османам, я предложил тем запорожцам, что решили перейти под мою руку, построить для них новую крепость. Но Сагайдачный с большинством сотоварищей предпочел сохранить как можно больше независимости и уйти обратно на Сечь. Впрочем, сначала он даже сгоряча предложил мне взять под свою руку Сечь, да и все Запорожье. Но это означало немедленную войну с Польшей. А мне следующая война, едва лишь успели закончить предыдущую, была не нужна. Поэтому я поблагодарил его и сказал, что пока отказываюсь от такого подарка. Он понял. Поэтому расстались мы друзьями, и Петро сказал, что, пока он гетман, ни один казак не вынет саблю из ножен, чтобы идти на Русь. Ну и если православному царю снова понадобятся славные воины, то он знает, где их искать... А кроме того, оставил атаманом над теми, кто решил осесть в новой крепости — Крае, своего ближайшего сподвижника Петра Одинца. Ну, типа, им на турку мимо плыть, так пусть лучше здесь свой сидеть будет, чем неизвестно кто. О крестном же целовании ни он, ни я деликатно решили не упоминать...

Также в Азове были заложены верфи. Я сумел выжать из дивана разрешение русским купцам торговать по всему побережью Черного

¹ Общая численность войск, задействованных на обороне засечных черт, в реальной истории на пике достигала 35 тыс. человек, из которых три четверти составляли гарнизоны крепостей и острожков, набранные из городских стрельцов и казаков, а четверть — полевое войско. И это без учета запорожцев и донских казаков, также выполнявших сдерживающую функцию. Здесь же обходятся в три раза меньшим числом, да и регулярно отрывать людей на поддержание в исправном состоянии засечных черт тоже не требуется. Ну и в полон никого не имеют...

моря и в Истамбуле, причем на тех же условиях, кои имели до сего момента лишь французские и английские купцы и кои именовались вполне прозрачно «капитуляционными привилегиями», а также добился права заложить в Азове верфи, взамен приняв на себя торжественное обязательство — не строить на них военные корабли. Я дал его с легким сердцем, ибо отлично знал, какими уродцами выходили первые петровские корабли. Один из моих высших менеджеров, Коля Галанин, был из военных моряков и до того, как послать на хер наш доведенный до ручки военно-морской флот, успел дослужиться до начальника БЧ. Так вот он как-то рассказал мне, что наши первые кораблики, сделанные неумело и из сырого дерева, разваливались буквально на второй-третий год, в то время как нормально построенные корабли тех лет служили десятилетия. А уже здесь мои ребята из выпускников царевой школы, что отправились с посольствами, подготовили для меня развернутый доклад по современным технологиям кораблестроения и подготовки материалов для оного. Так что пока в стране не было никакой отработанной системы современного кораблестроения: ни мастеров, ни производства инструмента и корабельной оснастки, не были заложены морильные пруды, а также не было ни моряков, ни штурманов, ни капитанов, ни даже системы их подготовки, — думать о военном флоте было рано. Пусть пока тренируются на торговом...

Но с моряками вопрос мало-помалу решался, ибо я ввел в практику поставку на нанятые моими купцами иноземные суда молодых крестьянских парней для обучения морскому делу. Английские и голландские капитаны брали их очень охотно, поскольку те обходились им совершенно бесплатно, ибо состояли «на царевом коште», включающем не только оплату, но и кормежку. Уже сейчас я имел возможность перебросить на юг около сотни подготовленных матросов. А вот офицерский состав пришлось нанимать из местных крымских и черноморских греков и готов, а также англичан и даже турок. Уж больно быстро росла черноморская торговая эскадра. Впрочем, турок заменяли как можно быстрее. Ибо на азовских верфях строили самый передовой тип современного корабля — голландский флейт, и готовить для турецкого военно-морского флота капитанов, способных управлять такими кораблями, я не собирался. Потом себе дороже обойдется...

Кстати, работающие на моих купцов англичане и голландцы также весьма оценили мою тушенку, но она пока производилась в слишком малых количествах, и большая часть ее шла на армейские склады, поэтому как товар я ее пока не рассматривал. Хотя, обходясь в производстве копеек в семь за двухфунтовую банку, она при продаже тем же голландцам и англичанам по цене уже шестнадцать копеек

уходила буквально влет. Так что по поводу нее стоило хорошенько подумать...

Многое изменилось и внутри страны. Так, например, было окончательно налажено печатное дело. В Московской царевой типографии работало уже девять станков, а этажом выше неустанно трудились нанятые за границей граверы. Но уже подрастала и молодая русская поросль, поскольку в стандартный договор, который заключал со мной любой иностранец, обязательно включался пункт о непрерывном обучении двух учеников. А подавляющее большинство иностранцев были связаны договорами именно со мной. Никто более не мог предложить лучшие условия, как финансовые, так и гарантийные. Впрочем, и отрабатывать я их заставлял по полной программе. Ребятки у себя на родине даже и не представляли себе, что можно *так* работать. Я их выжимал буквально досуха. Во всех отношениях. В особенности за обучение. Потому что, поскольку мастера нанимались, так сказать, партиями, я заложил в договор и механизм проверки качества исполнения учителями своих обязанностей в этой области. Так, после года обучения все ученики должны были сдавать что-то типа экзамена, на котором определялось, насколько хорошо ученик овладел преподаваемым ему искусством. По итогам первого года лучший из учителей ежемесячно получал прибавку к жалованью в пять гульденов. А вот по итогам второго теперь уже двум худшим учителям, наоборот, срезалось из оплаты по пять гульденов. Так что общая сумма денег, кои выплачивались иноземцам из моей казны за три года их работы, оставалась неизменной, а вот распределение ее менялось. И, как показала практика, это их шибко мотивировало. Поскольку никаких отговорок типа «рюски очень глупы» и тому подобное, что, как свидетельствует история, частенько срабатывало во времена Пети Первого, я не терпел. Мол, твои проблемы, дорогой. Не смог обучить *этого* ученика, потому что глупый, — ищи умного. Хоть на улице кого подбери, а выучи...

Основной продукцией типографии были, естественно, богослужебные книги, а также издания греческих и латинских авторов. Но два печатных станка уже год с лишним большую часть времени трудились над выпуском другой литературы. Во-первых, там всюду печатались книги на итальянском, голландском, немецком, испанском, шведском, польском и французском языках, в основном по медицине, математике, фортификации и строительству, военному делу и трактаты по химии. Тираж каждой из таких книг достигал чудовищной в это время величины в тысячу экземпляров, и существенную часть их я, так сказать, протащил контрабандой, заявив, что мне нужно оснастить учебными пособиями на различных языках цареву школу. Во-вторых, печатались книги на русском языке, в частности

тот же справочник по травоведению, уже оснащенный великолепными иллюстрациями, и другие книги по медицине. И, в-третьих, совершенно неожиданно для меня у нас появилась и, так сказать, русская беллетристика.

Дело в том, что сразу по возвращении моих бывших соучеников из «зарубежной командировки» я усадил всех их за написание самых подробных отчетов о странах пребывания. Методику сей работы я также выдернул из будущего. Сначала каждый писал личный отчет, затем проходило их обсуждение, сведение всей информации, изложенной в десятках личных отчетов, к общему знаменателю, что частенько сопровождалось жаркими спорами, а затем уже на свет появлялся пухлый рукописный том под названием «Повесть о немецкой (аглицкой, хранцузской, итальянской и так далее) земле, о людях, там проживающих, и ремеслах, коими они владеют». Отчеты в первую голову были предназначены для моих собственных нужд — для подготовки дьяков и иных служащих Посольского приказа, для отроков царевой школы, так что изначально тираж планировался небольшой — экземпляров пятьдесят, и резать его собирались на сосновых досках¹. Но затем я обнаружил, что за этими «Повестями» начала охотиться грамотная прослойка населения страны, после чего велел подредактировать текст, сделав его более, так сказать, художественным и патриотичным. Поскольку первый вариант отчета был чисто рабочим и потому максимально сухим, ну и в его тексте основное внимание уделялось тому, в чем мы отстали и что следовало побыстрее перенимать, в таком виде его выпускать не следовало. Ибо на неподготовленного читателя он воздействовал, скорее, уничтожающе. А затем повелел выпустить новый вариант большим тиражом. Тираж разошелся просто на ура, принеся мне в доход сумму, равную всем расходам на работу типографии за целый год. Я великодушно выделил пятую часть суммы на поощрение, так сказать, авторам, сразу же заложив в стране начала авторского права, а на оставшиеся деньги устроил небольшую, на пару печатных станков, типографию у себя в Белкино.

Я еще застал времена, когда в типографском деле основным лицом был человек, именуемый наборщиком, чья задача состояла в том, чтобы набрать необходимый текст из отдельных букв, именуемых литерами. Так что там, подальше от наполненной иноземцами Москвы, я собирался не торопясь отработать эту технологию, а за-

¹ Первые книги печатали с досок, вырезая текст прямо на них. Материал доски зависел от планируемого тиража. Дешевые сосновые доски резались хорошо, но быстро размокали от краски и разлохмачивались. Дубовые и буковые держались дольше, но резать их было сложнее, да и само дерево стоило дороже.

тем уже выйти с ней на мировой... ну то есть пока на европейский рынок. И опять огрести самые сливки...

Кстати, моя затея с копченой осетриной и черной икрой также принесла плоды. Попробовав осетрового балычка и икорочки, европейская знать жадно облизнулась и сказала: «Хочу еще». И «царевы гости», то есть купцы, облеченные моим личным доверием, ответили: «Да пожалуйста!» И выкатили такие цены, что у ребят аж глаза на лоб вылезли. Потому как я велел не дешевить и просить за пудового осетра половину его веса серебром. А за бочонок черной икры вообще вес на вес. Европейцы ахнули, но... деваться было некуда. На всю торговлю осетром я наложил свою жесткую лапу. Копченый осетр и черная икра после моих великих посольств уже заслужили право именоваться королевским кушаньем, ну а короли не слишком любят отказывать себе в удовольствиях. Подданные же тянутся за ними изо всех своих, уж как кому повезло, маленьких или больших сил. Продаваемые в Европе где-то полторы тысячи осетровых туш и четыре тысячи бочонков с икрой приносили мне в казну почти триста тысяч рублей чистыми ежегодно. Весьма неплохой бизнес, надо сказать. Впрочем, я не обольщался — долго это вряд ли протянется. Те же англичане имели очень неплохой выход на Аббаса I, владения которого располагались с противоположной стороны Каспия, так что моя монополия на осетрину и черную икру протянется всего лишь несколько лет. Затем в игру вступят другие игроки, и, хотя, как я надеялся, «царская осетрина» и «царская икра» все равно останутся на рынке брендом номер один, мне придется снижать цену. Ну да все хорошее в жизни когда-нибудь кончается...

Большой барыш начали приносить и заложенные в моих вотчинах заводы. И вообще суммарный оклад¹ с переустроенных или все еще продолжающих переустраиваться по примеру Белкинской моих вотчин к настоящему моменту превысил миллион рублей в год. В основном потому, что я, опять же через моих доверенных купцов, сам начал торговать собираемым в них хлебом. Что сразу же вызвало подъем цены хлеба на внутреннем рынке. Но поскольку в стране полным ходом шла налоговая реформа, результатом которой должна была стать замена посошного налогообложения подушным, в ближайшее время площадь поднятой пашни и соответственно объем собираемого хлеба должны были резко увеличиться...

Вообще с этой реформой я намучился. То, что следует уходить от учета тягла по сохе и чети², мне было совершенно ясно. Но что взамен? Вводить подходящий налог в тринадцать процентов годовых?

¹ Размер денежного сбора, налога.

² Соха — в XVI — начале XVII века определенное количество распаханной земли. Соха делилась на четверти, чети. Четь — 1/2 десятины, около 0,5 гектара.

Да хоть сразу в пятьдесят, вот только кто будет учитывать доходы? Естественным вариантом учетной налоговой единицы, предложенным дьяками, поначалу стал двор. Вполне нормальная учетная единица. Но после долгих обсуждений пришлось отказаться и от него. Потому что, во-первых, двор двору рознь. И тут также требовалось вводить градацию на «лучшие, средние, меньшие и охудалые дворы», а мне требовалась система простая и эффективная. К тому же введение этого налога мгновенно вызовет к жизни процесс укрупнения дворов. А большой, населенный множеством людей двор тяготеет к натуральному хозяйству. Мне же, наоборот, требовалось резко повысить товарооборот в стране. Потому что, если этого не сделать, все мои поползновения расширить производства, завести мануфактуры и поднять технологии наткнутся на слишком сжатый рынок сбыта. То есть заводы, мастерские, мануфактуры и так далее начнут выпускать продукцию, но вот *покупать* ее будет некому. Потому как основной потребитель — крестьянин — будет ходить в домотканом, работать самокованым и пользоваться собственноручно изготовленным. Так что вся моя программа ускоренной модернизации страны тут же накроется медным тазом. Нет, ежу понятно, что основной потребитель высоких технологий, как, впрочем, и лучший инструмент преобразования общества, это армия. И не *использовать* ее таким образом, как наши придурки времен Бори Ельцина, я не собирался. Но, скажем, те же юсы полностью окупили, причем несколько раз, все затраты на разработку и оснащение своей армии, флота и стратегических сил системой GPS только за счет массового ее использования гражданскими лицами по всему миру. И до сих пор продолжают исправно качать бабло на поддержание ее в рабочем состоянии и дальнейшее совершенствование, торгуя по всему миру ключевыми компонентами данной системы, из которых потом собирают вроде как чисто гражданскую и совсем не американскую GPS-аппаратуру. Вот так мы и крепим обороноспособность США...

Поэтому остановились на более сложном варианте — подушной подати, но собирать ее решили именно со двора. Объектом обложения в этом случае становился подданный мужеского полу и возраста не менее шестнадцати лет. Поскольку дети начинали помогать родителям чуть ли не с пяти лет, а с двенадцати-тринадцати уже считались полноценными работниками, это должно было дать еще и демографический эффект. Ибо рожать детей становилось выгодно. Три-четыре года повзрослевший и уже вполне вошедший в силу сын может пахать на родителей, так сказать, совершенно бесплатно, а затем его вполне можно выпихнуть в свой собственный двор. Сумму подушной подати установили в сорок копеек с мужеской души. Каковая при численности населения где-то в одиннадцать-двенадцать

миллионов (более точно можно было сказать только после того, как пройдет перепись) и средней численности семьи в семь-восемь душ за вычетом не облагаемых налогом сословий и некоторого процента людей, сумевших так или иначе увильнуть от налогообложения, должна была принести в казну доход от пятисот до шестисот тысяч рублей в год. Что, по прикидкам приказа Большой казны, было процентов на десять — пятнадцать меньше, чем при прежнем варианте. Но бюджет терял всего лишь процентов пять, так как существенную часть доходов казны составляли налоги косвенные, каковые пока оставались практически неизменными... Однако такие же подсчеты должны были бы сделать и мужики. И с энтузиазмом кинуться переходить на новую форму налогообложения. То есть прямо-таки гоняться за дьяками, требуя, чтобы им поскорее насчитали тягло по-новому. Я надеялся, что эти подсчеты устроят негативное влияние извечного опасения людей по поводу любых перемен и налоговая реформа пройдет более легко, чем обычно они проходили в стране... даже и те, что пережил я сам со своим бизнесом в двадцатом и двадцать первом веке.

Но если переход, как я рассчитывал, произойдет более-менее гладко, то вот потом... потом нужно будет создавать свою собственную систему учета населения, а церковные книги, по коим учет осуществлялся сейчас, использовать уже лишь как дополнительную проверочную структуру. А это ставило задачу создания грамотного и подготовленного чиновничества. Поэтому два года назад в моей Одинцовской вотчине была устроена дьячья школа, в которую набирались дети чернососных крестьян и посадских людей, «уже обученные грамоте». А задачу обучения грамоте населения я ничтоже сумняшеся возложил на церковь, поставив перед Поместным собором, как раз в тот момент собравшимся для выборов патриарха, задачу на свой кошт открыть сеть церковно-приходских школ, в коих обучать крестьянских и посадских детей «письму и цифири разной». Поначалу это вызвало у церковных иерархов некую оторопь, ибо даже среди низовых священников грамотными были далеко не все. Довольно существенная часть просто заучивала наизусть наиболее нужные службы и потом остаток жизни жила на десятке треб и двенадцати молитвах... Но меня такое состояние дел в церкви тоже не устраивало, и я был намерен сдвинуть дело с места еще и таким образом. Впрочем, сначала иерархи попытались отбояриться, уверяя, что «сие есть задача непотребна» и что они ее никак не осилят. Но я твердо заявил, что «людишек потребно грамоте и счету учить», ибо грамотных людей мне в стране с каждым годом требуется все больше и больше. А потом пригрозил, что, если церковь не возьмется, возложу сию задачу на учителей-иноземцев, а уж они пусть учат, как сами

считают надобным... Конечно, я блефовал. Ну откуда у меня в казне нашлись бы деньги для *такого* количества учителей-иностранцев? Но я и там, в своем покинутом будущем, и здесь числился человеком, который слов на ветер не бросает... так что от подобной перспективы собор пришел в ужас и возгласил, что «не есть мочно отдать души людей русских, православных под иностранцев надзор и обучение». Поэтому теперь все батюшки обязаны после воскресной проповеди оставлять при церкви детей от семи до десяти годов и обучать их грамоте и счету.

Впрочем, на резкое повышение грамотности населения я не рассчитывал. С такими учителями едва ли один из двадцати детишек освоит хотя бы начала. Но, с другой стороны, пока мне и этого довольно. Получить без особых затрат через пять-семь лет под сто тысяч человек, владеющих азами грамотности и письма, — чем плохо-то? К тому же в этом случае все желающие поступить в новую дьячью школу (а лет через пять уже в *систему* таковых школ) проходили некий первоначальный отбор. Если уж человек в *таких* условиях сумел-таки научиться грамоте, то есть шанс, что и остальную программу он освоит нормально. А стимул для ее освоения был, и неплохой. Ибо учеба в школе и получение по ее окончании статуса «писаря государева» мгновенно выводило человека из тяглого сословия и делало его государственным служащим. Со всеми вытекающими отсюда положительными последствиями.

Ну и наконец-то вышла замуж моя сестрица. Причем не только вышла замуж, но еще и успела родить очаровательную девочку. Отчего мой самый боевой воевода Мишка Скопин-Шуйский сразу же заполучил уязвимое место. Я назначил его главным смотрителем новой южной границы, и он месяцами торчал там, гоня в хвост и в гриву и крепостные гарнизоны, и казачков, и городское ополчение, но едва кому стоило спросить его о дочке, как весь его грозный вид улетучивался, а на лицо напознала дурацкая улыбка. Впрочем, одной дочкой дело явно не ограничится. Ксюха снова была на сносях...

— Значит, начинаем собирать людей... — скорее утвердительно, чем вопросительно произнес Игнатий.

— Конечно, — кивнул я. — Для того ты их, святейший, и отбирал. Игнатий покачал головой.

— Совсем монастыри оголим. Одни старики да убогие останутся. Да мастеров немного. Епископы и митрополиты такой вой подымут...

Я промолчал. А что тут говорить. Для того, братец, я тебя и провел в патриархи, чтобы во время вот таких ситуаций ты возмущение и вопли тушил. Тем более что если и возмутятся, то далеко не все. Наиболее умные и влиятельные — уже на нашей стороне. Для того

мы на Поместном соборе синод и создавали, чтобы таковых держать поближе к себе, под боком, дабы иметь возможность их первыми на свою сторону перетянуть, либо, если не удастся, как-то нейтрализовать, перессорить или еще что, а уж потом разобраться с остальными. Сколько уже на синоде говорено было, что уровень образования нашего священства надобно резко поднимать. Со всех сторон на православие давление идет. Исконно православные земли османами захвачены, и там православных детишек у родителей отбирают, насильно обращают в мусульманство и делают из них своих самых верных псов¹. Католики эвон на польской православной Украине и в православной же Литве Унию² учинили. Протестанты на своих землях типографии устраивают, чтобы печатать книги на славянском языке и свою богопротивную веру в русских землях проповедовать. А у нас среди монашества и даже среди церковных иерархов людей, что способны православную веру хотя бы в спорах и полемике защитить, — раз-два и обчелся. И как мы собираемся за души людей сражаться, если даже здесь, в своих исконных землях, можем только глухую оборону держать? Так что учиться надо людей, учиться...

И у себя, в тех монастырях, где богословская мысль если и не ключом бьет (нет таких мест пока в русской земле, нет), то где она хотя бы не застыла и не утонула в бытовых мелочах, в заботе о пашне, сборе оброка, надзоре за пасаками и лугами. И далее, в тех местах, откуда пошла православная вера. Откуда она пришла на Русь. И где еще сохранилась, не умерла, не истаяла изощренная, не уступающая иезуитской византийская риторическая традиция... Я видел, что нашей церкви нужен мощный вброс идей. Пусть даже большая их часть будет признана еретическими и в конце концов отвергнута, но даже само их обсуждение что-то сдвинет, пустит круги по тому болоту, в которое все больше и больше затягивало нашу церковную мысль. А то уже как-то стало традицией, что мы почти по любому поводу шлем с вопросом к Константинопольскому патриарху или афонским монахам, а потом ждем, что нам эти мудрые люди ответят. Не дело, ой не дело... А мне, возможно, удастся протащить под шумок и кое-какие иные полезные нововведения, например, заставить

¹ Это называлось «налог кровью» — девширме. Именно из таких мальчиков, которых заставили забыть свой род и свою веру, потом и готовились и янычары, и все турецкое чиновничество, нещадно давящее из своих соотечественников-христиан все соки.

² Б р е с т с к а я у н и я — присоединение к католической церкви ряда епархий православной Киевской митрополии во главе с митрополитом Киевским Михаилом Рогозой на Брестском соборе в октябре 1596 г. Была результатом деятельности иезуитов, убедивших украинских православных иерархов в том, что таким образом они сравняются с польским католическим духовенством в правах и привилегиях. Положила начало так называемой униатской церкви. Была отвергнута подавляющим большинством населения, вследствие чего уже в 1620 г. на территориях, иерархи которых приняли унию, практически полностью была восстановлена православная иерархия.

церковь поддержать право для дохтуров заниматься патологоанатомическими вскрытиями. Ибо двигать медицину без них — совершенно невозможно, а позволить дохтурам заниматься этим без разрешения церкви — это почти наверняка поставить их под удар. Но сейчас об этом я не рисковал даже заикаться.

— Значит, сразу после завершения похорон вашей матушки я рассылаю гонцов по епархиям и ставропигиальным¹ монастырям... — подвел Игнатий итог нашей короткой, но вместившей в себя много эмоций и смыслов, поскольку столько уже всего было по этому поводу говорено, беседе.

Я молча кивнул. Да, с матушкой, хоть и грех так говорить, но все вышло довольно удачно. В смысле того, что преставилась она накануне действительно серьезных изменений в государстве. Иначе она вполне могла бы доставить мне множество дополнительных проблем, каковых и так будет воз и еще маленькая тележка. Да, возможно, и не одна... Пять лет после Южной войны она оставалась единственной, кто постоянно пил из меня кровь, требуя послушания и исполнения ее воли. Три раза она объявляла, что я ей не сын, дважды демонстративно уезжала на поселение в Кирилло-Белозерский монастырь, но почти сразу же возвращалась и, тут же забыв обо всем объявленном ранее, вызывала меня к себе и снова начинала гнобить своими советами по поводу того, кого куда назначать и как править страной. Я терпел. Нет, все это можно было быстро прекратить, заставив матушку насильно принять постриг, но я не хотел обострять. К тому же на самом деле все матушкины потуги для меня, натренированного стервами двадцать первого века, были не так уж и напряжны. Да — неприятно, да — приходится терять время на смиренное выслушивание матушкиных поучений и на ругань вследствие того, что я им не следую, но до тех высот сосания мозга, которыми в совершенстве владеют «модели, актрисы и телеведущие», матушке было расти и расти. А я и их способен был выдерживать довольно долгое время...

К тому же все громогласные матушкины заявки на самом деле приносили больше пользы, чем вреда. Да и относились к ним теперь скорее с юмором. Когда она первый раз заявила, что я не ее сын, — это произвело эффект разорвавшейся бомбы. Все напряглись, ожидая, как повернется дело, а с пяток бояр-княжат даже заняли позицию низкого старта у подножия матушкиного кресла-трона, ожидая дальнейшего развертывания кампании. Но матушка удержалась на этой позиции всего лишь два дня, а затем не менее громогласно призвала

¹ Ставропигия — статус, присваиваемый православным монастырям, лаврам и братствам, а также соборам, делающий их независимыми от местной епархиальной власти и подчиненными непосредственно патриарху или синоду.

сына «к послушанию матери». Бояре-княжата разочарованно разогнулись, но от повышенного внимания моего дяди Семена и Митрофана это их совершенно не избавило. А чем чревато подобное внимание, никому уже разъяснять не требовалось. Поэтому когда матушка заявила нечто подобное во второй раз — это восприняли уже как некое помешательство престарелой женщины. А на третий раз просто всем скопом тихо поржали... и посочувствовали царю-батюшке, а также повосхищались его терпением и смирением. Что, как ни странно, лишь укрепило мой авторитет, в глазах многих переведа меня из «сопляков» во «взрослые мужи», ибо только они способны быть терпеливыми. Молодняк же, как правило, наоборот, бравитует своей резкостью и бескомпромиссностью, наивно полагая, что именно этим подчеркивает свою взрослость и самостоятельность.

Впрочем, несмотря на все мое терпение, матушка меня все ж таки напрягала, так что ее кончина однозначно уменьшила число моих личных напрягов, и потому я совершенно искренне повелел похоронить ее со всеми подобающими почестями и даже отстоял у гроба три с лишним часа...

— А кого все-таки решил ставить главой миссии к Константинопольскому патриарху? — спросил я, отвлекаясь от мыслей о матушке.

В этот вопрос я принципиально не вмешивался. Игнатий умен, изворотлив в интригах и задачу свою, и выгоду для церкви в этом случае видит ясно, так чего мне лезть?

— Казанского митрополита, — улыбнулся патриарх. — Кого же еще? Неуча посылать глупо, да и вообще там нужен человек, который всю эту святую афонскую свору сможет хорошенько взнуздать и заставить трудиться на наше дело так, как ты, государь, своих иноземцев взнуздываешь. Кто еще с этим справится, кроме него?

Я согласно кивнул, и мы понимающе переглянулись. Ибо это было еще не все. Мы готовили митрополита Гермогена для еще одной операции, кою надеялись провести. Хотя он пока был совершенно не в курсе этого. Дело в том, что Брестская уния, отколовшая от Константинопольского патриархата всю западную, польскую Украину и Литву и передавшая ее под начало папы, вызвала среди всего православного населения этих земель яростное неприятие. К тому же я из своего времени помнил, как наши патриархи, Алексей II, а вслед за ним и Кирилл, катались с пастырской поездкой по Украине и как их там встречали. То есть униаты на Украине даже в наше время все еще оставались в глухой жопе. Но пока никакой другой православной иерархии на православных землях Речи Посполитой не существовало. А попытка ввести ее напрямую, то есть интронизировать Киевского митрополита волей русского патриарха, вызвала

бы резкое обострение отношений с Речью Посполитой. Хотя запорожцы уже и посылали к Игнатию с просьбой дать им митрополита и епископов, потому как «под клятыми латинянами мочи нет стоять». Но Игнатий после долгих обсуждений со мной и в синоде как раз вследствие всего вышеизложенного им отказал, зато несколько туманно, но многообещающе посулил «скоро поспособствовать разрешению сей беды», наказав немного потерпеть и не дергаться. И, вот ведь хитрый грек, предложил мне интересную комбинацию.

До сего момента именно греки чаще всего переходили из подчинения своего Константинопольского патриарха в подчинение русского, ибо, обладая лучшей подготовкой и имея за плечами авторитет церкви «родоначальной», могли рассчитывать на быстрое продвижение и занятие влиятельных постов. Сам Игнатий был тому лучшим примером. Но теперь мы по его предложению собирались совершить обратный финт. Согласно нашим планам и уже имеющимся предварительным договоренностям, глава нашего массового учебного пула, отправляемого на обучение в греческие, в основном афонские, монастыри, должен был по освобождению какой-нибудь из греческих епархий (ну должен же у них в течение пары-тройки лет преставиться хоть один епископ) занять ее кафедру. А затем, уже как представитель Константинопольской патриархии, он будет интронизирован Вселенским патриархом в Киевские митрополиты. Ох латиняне и взвоют! Вся Уния как раз и была затеяна-то в основном для того, чтобы оторвать православных подданных Речи Посполитой от своих корней, прервать довольно живое общение украинских и литовских православных братств со своими московскими единоверцами, а тут такое... Но с формальной точки зрения при таком варианте мы оставались полностью в стороне. Вам не нравится? Вы грозите, что не потерпите? Так Константинопольский патриарх — подданный султана османов, вот с ним и воюйте, если хотите...

Я на мгновение задумался, а затем, решаясь, сказал:

— А знаешь, святейший, я у тебя все-таки тех монахов, что ты отбирал по моей просьбе, заберу.

Игнатий напрягся.

— А надо ли, государь? Большое дело затеваем. Каждый человек на счету. А ты лучших забрать хочешь.

Я еще подумал. Действительно, а не спонтанное ли решение я сейчас принял? Мол, отправляем одних, да и заодно отправим других! Может, действительно подождать? В казне-то денег хватит, чтобы два таких дела потянуть, за эти пять лет я не только восстановил всю отцову кубышку, но даже и увеличил ее, так что дело не в деньгах, а в том, что оба этих дела я считал очень важными. Но не выйдет ли, что, взявшись за оба, я ни одно не смогу сделать так, как оно того

требовало... Я резко тряхнул головой. Нет, все надо делать именно сейчас. Пока есть в казне деньги. Пока нет войны. Пять мирных лет по нынешним временам — это просто царский подарок. Есть Господь на небе, есть, и он мою страну любит. Точно. Мы едва успели закончить на юге, как замирились поляки со шведами, и Сигизмунд III тут же стал недобро поглядывать на меня. Но итогом Южной войны стало еще и то, что русская армия оказалась единственной армией во всей Европе, которая не только устояла под ударом чудовищной военной машины османов, но еще и вышла из войны, *завоевав* для страны новые земли и города. А потому лезть в разборки с *такими* русскими польская шляхта рвалась не шибко. Воистину, как говорят лаймы — «fleet in being», то есть сильный флот оказывает влияние на политику самим фактом своего существования. Хотя в моем случае это относится к армии. У шведов же начались неурядицы с Данией, так что в мою сторону они пока не смотрели. Но вечно так продолжаться не могло. Я с усмешкой вспоминал свои наивные мечты по поводу того, как я смогу не воевать... Решено — отправляю.

— Нет, святейший, надо. Ты даже не догадываешься, как надо. Я, пожалуй, даже еще и слишком затянул. Раньше надо было отправлять то посольство, для которого мне нужны твои монахи. К тому же я у тебя забираю всего две сотни, мы же отсылаем почти три тысячи. И без них справишься.

— Так ведь лучших! — с горестной ноткой в голосе воскликнул Игнатий.

— Ой не ври,— усмехнулся я.— Никогда не поверю, что ты мне действительно всех лучших отдал. Такой выжига, как ты, скорее удавится, чем поделится. Так что — перебежешь.

И мы оба рассмеялись, как два человека, делающие одно дело и знающие друг друга как облупленных. Впрочем, нет, и у меня было многое, что очень сильно удивило бы Игнатия, буде я бы сошел с ума и решил ему открыться, да и у святейшего патриарха явно за душой было немало такого, чего он никому не рискнул бы открыть...

Проводив патриарха, я выглянул в приемную, в которой наконец-то сидел мой личный секретарь, и, улыбнувшись мгновенно вострепенувшемуся Немому татю, приказал:

— Аникей, пошли за боярином Мстиславским,— после чего сел и решительным движением придвинул к себе стопу бумаги.

Вот ведь еще дефицит нарисовался... Все мои нововведения требовали резкого увеличения бумагооборота, а бумага здесь делалась из тряпья. С тряпьем же, поскольку народ жил еще довольно бедно и одежду носил до упора, пока совсем из заплат и лоскутков состоять не начинала, были некоторые проблемы. Поэтому, несмотря на то что я заложил несколько новых бумагоделен, бумагу прихо-

дилось все в больших и больших количествах импортировать. Я глубоко вздохнул, обмакнул в чернильницу перо и склонился над листком. Ох и добавил я себе сейчас работенки...

— Боярин-князь Федор Иванович Мстиславский, государь, — вот так, полным именем, доложил мне о прибывшем Аникей.

Я взял его в секретари два года назад, выбрав из десятка кандидатов, которых наметил, изучив индивидуальные отчеты своих соучеников, составленные ими после возвращения. У парня оказался хороший — емкий и лаконичный слог, великолепная, просто уникальная память и удивительная способность всегда быть в курсе всего происходящего. Впрочем, эта способность прославила его еще во время учебы. Со всяким вопросом мои соученики всегда бежали именно к Аникею, поскольку, может, кто-то другой и знает ответ, но поди его еще найди, а вот если не знает Аникей, то уж точно никто другой и знать не может.

— Зови, — кивнул я, отодвигая лист.

Ну вот, сейчас в набросанный мною план подготовки к посольству и будут внесены первые изменения. Ибо Мстиславский — боярин умный и опытный и найдет, что предложить и что поправить. А готовить посольство, не учитывая мнения его будущего руководителя, — глупо.

Когда боярин, скинув шапку, вошел в мой кабинет, я сразу же отметил, что на нем нет извечной боярской шубы, да и шапка у него была не горлатная, а более подходящая по погоде обычная, с заломленной набок тульей. Интересно, это они с меня пример берут, что ли? Я сам довольно быстро перешел с тяжелого царского платья, непременно (в зависимости от степени официальности) более либо менее украшенного золотым шитьем и драгоценными камнями, на легкий кафтан и штаны. Причем с каждым сезоном кафтан все больше укорачивался, постепенно превращаясь в эдакую длинную куртку. Хотя кое-кто все время ворчал, что царь ведет себя «невместно», и приличного царю платья не носит, и ноги «заголяет» (как будто я без штанов шастаю), и вообще по Кремлю не ходит, а почитай, бегаёт, будто какой младший писец с поручением. Но после моей расправы с Шуйскими, а особенно после победы в Южной войне, все эти речи звучали глухо и скорее в кулак и в ухо, чем во всеуслышание.

— Звал, государь?

— Да, боярин, да, Федор Иванович, — ответил я, поднимаясь из-за стола и подхватывая листки со своими набросками. Разговор нам предстоял обстоятельный, поэтому я решил провести его за столом для совещаний. — Садись, разговор у нас будет долгий...

Боярин изменился в лице. Я несколько секунд непонимающе смотрел на него — черт, чего это он так сильно испугался-то? Никак

опять бояре пакость какую затеяли? Ох как не вовремя, ох не вовремя... Мне сейчас никакой смуты в стране не надобно. У меня такие проекты на ходу... И куда только Митрофан с моим троюродным дядей смотрят? Ладно, звоночек прозвенел, значит, накручу хвосты. В этом смысле даже лучше, что боярин-князь Милославский в момент этой смуты будет подальше от Москвы. А то еще ненароком шибко завязнет, а он мужик умный, но уж больно ко всяким интригам расположенный, еще придется казнить или там сослать, а мне его терять не хотелось бы... Впрочем, вряд ли так уж завязнет, именно потому, что в интригах поднаторел. Такие никогда сами ничего не делают, всю черную работу другим оставляют, а затем смотрят — удалось, так и «мы пахали», а нет — так они тут совершенно ни при чем. А мне в этом посольстве такой хитрован и нужен... Поэтому я ободряюще улыбнулся Мстиславскому и уселся за стол, положив на него свои прикидки.

— Садись, боярин. Вот хочу поручить тебе посольство дальнее. В страну великую и удивительную. В страну, где до сего дня ни одного русского посольства не было, однако купцу во все времена было чем поживиться, — (это уж точно во все, вспомнил я челноков своего времени), — и даже государю есть чему поучиться. В страну, коя считает себя центром всей земли, а все остальные страны и народы — своими окраинами. — Я сделал короткую паузу и, глядя в глаза боярину, который уже взял себя в руки, но на лице которого внимательный взгляд все-таки мог отыскать признаки немалого облегчения, закончил: — В Синд...

2

Утром умер Немой тать.

Я как раз собирался завтракать, к тому же не один, а в компании с Митрофаном и моим дядькой Семеном Годуновым, которые после моего разноса нащупали-таки следы смуты среди бояр. Правда, была она какой-то бестолковой — скорее суетливой, чем действительно опасной. Несколько человек о чем-то там уговорились, но никаких конкретных действий никто предпринимать не стал. Людишек оружных в свои московские подворья не стягивали, подметные письма не появлялись, никакие слухи по Москве ходить не начали. Короче, вроде как сговор был, а вот заговора не было... Ну так нам казалось.

Мои завтраки уже снискали славу на Москве, в первую очередь тем, что на них подавали кушанья диковинные и удивительные. Например, гвоздем программы была... картошечка! Да-да, еще в быт-

ность великих посольств я поставил задачу прислать в страну возможно большее количество клубней этого по нынешним временам диковинного растения. А затем отправил их в Белкинскую вотчину с подробным указанием Акинфею Даниловичу по поводу технологии выращивания сей культуры. Мои юные годы пришлись на конец восьмидесятых — начало девяностых, на время «почти что голода», когда по всей стране магазины радовали глаз разве что пустыми полками, с которых смели даже вечно пылящиеся на них в советское время банки бычков в томате и кильки. Поэтому находящаяся на последнем издыхании партия и не менее престарелое правительство страны разрешили раздать почти уже положившим зубы на полку горожанам куски необрабатываемых полей во временное пользование, для самостоятельного решения обострившейся продовольственной проблемы. Так что мы три года подряд батрачили на выделенных матери через ее институт двух сотках, запасаясь картошкой. Поэтому сию агротехнику я освоил на практике и представлял себе весьма хорошо. Вследствие чего спустя всего лишь три года с момента ее появления в стране картошка уже полностью пропихалась на моем царском столе. Ну и заодно всюю пошел процесс распространения этой культуры по русским полям. Причем организовал я его по всем правилам психологии. Изначально картошка вроде как предназначалась лишь для царского стола. Потом, когда ее стало много, я ввел ее в рацион царевой школы и своего холопского полка. А затем велел *не увеличивать* засеваемые площади. И про нее сразу же пошли слухи, что этот-де «царский овощ» лечит чуть ли не все болезни, что от него резко повышается мужская сила, ну и все такое прочее. Поэтому крестьяне из окрестных деревень принялись потихоньку подворовывать картошку с «царева поля» и рассаживать клубни у себя. Поскольку это самое «царево поле» обрабатывалось барщиной, агротехнику картошки большинство из них уже усвоили. А я еще подлил масла в огонь, издав грозный запрет на открытую торговлю картошкой, из-за чего ажиотаж только повысился. В уездах, где до сих пор ничего не слышали о картошке, узнали о ней из этого указа, собрали ходящие про нее слухи и тут же воспылали желанием приобщиться к чудесной силе заморского «царского овоща». Несколько лет картошкой торговали из-под полы, по бешеным ценам, а этой весной я велел Акинфею Даниловичу засадить картошкой весь «барщинный» клин и собирался по осени объявить народу свое «милостивое» разрешение торговать картошкой невозбранно и предложить на рынок продукцию «личного царева поля». Тем более что за это время неугомонный Вinius сумел провести немалую селекционную работу, безжалостно выбраковывая посадочный материал с малейшими признаками вырождения и отбирая только самые

добрые, один к одному, клубни. Так что качество посадочного материала с моих полей должно было быть явно выше, чем у распространявшегося полулегально. Поэтому, похоже, доходы с моих вотчин в этом году должны еще более возрасти...

Кстати, подобный подход принес и еще один неожиданный эффект. Наслушавшись рассказней о том, что картошечка повышает мужскую силу, мужики, налупившись драгоценного дефицита, запрыгивали на баб и, явственно чувствуя прилив мужской силы, начинали так наяривать, что в последние три года в стране резко поднялась рождаемость. О чем докладывали дьяки, проводившие перепись населения в связи с налоговой реформой.

Мои завтраки славились еще и тем, что на них подавали не только некие диковинные или уже и не очень продукты, но еще и по-особенному приготовленные. Так, если вся страна употребляла картошечку в основном в вареном виде, у меня на столе она появлялась и в жареном, и с грибочками, и со шкварками, и фри. Поэтому среди бояр, околичничих и стольников, подвизавшихся в Кремле, пышно цвела конкуренция за право поприсутствовать на моем завтраке. Что меня весьма радовало. Ибо сие означало, что всюю шел процесс, так сказать, абсолютизации власти...

Когда я был по делам в Париже, то сумел выкроить денек и заказать себе индивидуальный тур в Версаль. Ну интересно же было, как там жил король-солнце, которому даже подштанники надевали два графа, а рядом стояли герцог с бароном, держа в руках по чулку. Но гид мне попался великолепный. Старичок из русских эмигрантов, он всю жизнь проработал во французском институте истории... ну или как там он у них правильно называется. Так вот, выяснилось, что я со всеми своими представлениями об изнеженных и ленивых королях — полный дебил! Оказывается, придворный этикет, который разработал Людовик XIV, вовсе не блажь ленивого, развращенного придурка, а имеет глубокий смысл. Начало царствования сего Людовика было ознаменовано приблизительно тем же, с чем сейчас столкнулся я,— всплеском бунтов и заговоров знати. В том числе и знаменитой Фрондой. Хотя, конечно, после Ришелье, показавшем французской аристократии, кто в доме хозяин, она малек попритихла. Так вот, сей незабвенный Людовик, оказывается, жизнь положил на то, чтобы его родимая французская знать, вместо того чтобы конкурировать за власть и влияние с королем, начала бы конкурировать за место *при* короле. Что ему прекрасно удалось сделать. И уже к середине его правления холеные французские герцоги и графы отчаянно интриговали не *против* короля, а за *право* подать королю при утреннем одевании правую подвязку или левую тупфлю. А весь двор глубокомысленно обсуждал, что означает факт того, что графу N се-

годня доверено подавать левый чулок, а не, как вчера и позавчера, панталоны. Ну, типа, как наши политологи и всякие там светские хроникеры обсуждают, что означает то, что президент в субботу предпочел верховую езду, а не поехал, как премьер-министр, кататься на лыжах, а генеральный прокурор при этом отправился поплавать в бассейн, который расположен на три километра ближе к ипподрому, чем к лыжному склону. И делают из этого глубокомысленный вывод, что расстановка сил во «властной элите» резко поменялась... Кстати, как нам объяснил тогда старичок, весь этот придворный этикет, разработанный королем-солнце, вещь настолько тяжкая, что в полной мере соблюдать его после смерти Людовика XIV не смог больше ни один французский король. «Ниасилили», так сказать...

Так вот, я собирался завтракать. Когда я появился в своей малой трапезной, Митрофан уже сидел там, а сразу же после моего прихода заявился и дядька Семен. Так что сначала все вроде как шло нормально. Мы неторопливо беседовали, когда служки начали вносить здоровенные подносы, уставленные блюдами с едой. Наряду с гигиеной я твердо, ну сколь возможно, внедрял в жизнь основной принцип здорового питания: «Завтрак съешь сам, обед раздели с другом, ужин отдай врагу». Нарушал его только во время дипломатических приемов, совмещенных с пирами, ибо в этом случае приходилось есть поздно, и по моим меркам, довольно обильно. Хотя и тогда среди присутствующих на пирах бояр ходили разговоры, что царь-де ест невместно мало, ну будто птичка клюет, видать, отравы боится... Отравы я действительно опасался, куда деваться, и постарался выстроить вокруг себя достаточно эффективную систему безопасности, но мало ел не поэтому. А потому, что твердо знал: мои гастриты, колиты, язву желудка и двенадцатиперстной кишки здесь, в этом времени, лечить некому. Следовательно, если я хочу жить долго и по возможности счастливо — лучше их вообще не заводить... И вот, когда на стол водрузили большое блюдо с картофельным шпоре и служка приготовился раскладывать его по тарелкам, Немой тать, примостившийся в углу, внезапно взревел и, кинувшись к столу как коршун, ухватил это блюдо и сдернул со стола. Все ошарашенно замерли. Нет, всем было известно, что Немой тать тоже прирастался к «царскому овощу», но до сего дня он себе таких выходов не позволял.

Я отодвинул тарелку и, встав из-за стола, направился в его сторону. Потому что никто, кроме меня, утихомирить эту внезапно разбушевавшуюся смертоносную стихию был не в состоянии. Немой тать заревел и спрятал блюдо с картошкой за спину. Я непонимающе остановился. Да что с ним такое происходит-то?

— Ты хочешь картошечки? — ласково спросил я свою «тень». — Так можешь взять сколько хочешь. А остальное — отдай. Нехорошо поступаешь. Мы тоже хотим картошки. Неужели ты с нами не поделишься?

Немой тать посмотрел на меня отчаянным взглядом, потом тоскливо взвыл и... вытащив из-за спины блюдо с пюре, внезапно начал жрать его прямо так, ртом, помогая себе руками. Все ошарашенно пялились на эту картину, но только лишь до того момента, как Немой тать захрипел и свалился на пол трапезной, схватившись за живот...

— Всем стоять! — взревел первым все понявший Митрофан, взвиваясь с лавки и прыгая к одному из служек. — Кто? Ты? — зарычал он, хватая его за воротник и резким рывком притягивая к себе.

— Не-эт, — заверещал служка, — не-эт, то Семен! Он мне просто сказал, чтобы я не прикасался сегодня к «царскому овощу»!

— Семен?!

— Стоп! — рывкнул уже я. — Хрен с ним, с Семеном, потом поймашь. Пошли за Прокопом, и всех дохтуров из царевой лечебницы сюда, быстро!

После возвращения отучившихся в европейских медицинских школах и университетах врачей я учредил десять царевых лечебниц. Три в Москве и по одной в Ярославле, Нижнем Новгороде, Великом Устюге, Казани, Вологде, Великом Новгороде и Сольвычегодске. Ближайшая находилась недалеко от Кремля, в Китай-городе.

— Да я сам... — сорвался с места Митрофан, но был тут же остановлен моим окриком:

— Нет, ты — здесь! Ты — отравлен, понял? И я тоже. Занемогли мы, понятно? При смерти мы! Пусть повылезают из своих щелей. Я им за моего Немого татя... — Я судорожно вздохнул и, взяв себя в руки, приказал: — Так, берем его на руки, быстро! Митрофан, как пошлешь за Прокопом, — галопом в мой кабинет и приволоки мне гусиное перо, несколько перьев...

Мы взвалили тяжелое и уже сотрясаемое судорогами тело и положили его на стол, с которого была скинута на пол вся посуда вместе с дорогой, шитой золотом скатертью. Я знал, что при отравлении первым делом надобно промыть желудок, но, судя по белой пене, выступившей на губах Немого татя, ему это вряд ли могло помочь. Однако так просто сдаваться я не собирался.

— Воды! — заорал я, склоняясь над ним, а затем, ухватив кувшин, принесенный из устроенной прямо перед трапезной умывальной комнаты, где все приглашенные на завтрак могли помыть руки с мылом, поднес его ко рту хрипло дышащего Немого татя. — Пей, пей, родной... ну же, надо...

И Немой тать, уже почти потерявший сознание, послушно разинул рот и позволил мне влить в него почти три литра воды. Затем было гусиное перо, рвота, затем снова вода, затем снова рвота... и так до того момента, как в трапезную ворвались доктора.

— Государь! — ошеломленно выдохнул главный врачеватель царевой лечебницы дохтур Феофан Проворный.— Но... нам сказали, что ты...

— Ему помогите,— резко прервал я его бормотание,— ну же!

Но Немому татю уже было ничем не помочь... Он умер на моих руках. Мой Немой тать... Моя тень... Мой слуга... Мой верный страж, всегда чуявший угрожающую мне опасность лучше, чем кто бы то ни было... Мой друг и соратник, прошедший со мной и Крым, и Рим — и стылые дожди первого года глада и мора, и ледяную причерноморскую степь, и многое-многое другое... И без колебания отдавший за меня свою жизнь. Я сидел на столе, держа на коленях его мертвую, измазанную в блевотине голову, и плакал, совершенно не стесняясь этого.

А потом я встал...

— Где картошка? — глухо спросил я, не понимая, отчего это все жмутся по стенам, будто стараясь влипнуть в них, забиться в мелкие щели между бревнами.— Где она?

— В-в-в-вот, г-государь! — испуганно отозвался кто-то из служек, дрожащей рукой протягивая мне блюдо с остатками отравленного пюре.

— Митрофан,— тихо позвал я и, когда он подскочил, протянул ему блюдо,— сохрани. Я собираюсь накормить ею... кое-кого.

Митрофан молча кивнул.

— Теперь слушайте все. Я, он,— я кивнул на Митрофана,— боярин Семен Годунов, то есть все мы — при смерти. Мы — отравлены. И дохтура бьются изо всех сил, чтобы спасти нам жизнь.— Я сделал паузу и обвел взглядом всех находящихся в комнате — служек моих личных покоев, лекарей, бойцов моего холопского полка, короче, всех, кому я вроде бы должен был бесконечно доверять. Но ведь и остальные, кто меня окружал, также были не раз проверены и перепроверены, а яд ведь все-таки как-то попал в блюдо, которым я сегодня должен был позавтракать? — Все понятно?

— Да! — Ответ был дан громким хором и на едином дыхании.

— А если узнаю, что кто-то и хоть где-то...— Я сделал короткую паузу и еле слышно выдохнул: — То начну я с того, что вырву ему язык.

Я знал, какая мысль пролетела у всех у них в головах: «Дедова кровь...»

А потом все завертелось. Прокоп, старый друг детства и замести-

тель Митрофана, с которым они зачинали службу мальчишек-наушников, сработал «на отлично». Тот самый Семен, скрывшийся с кухни сразу после того, как в мою трапезную понесли блюда, но, как выяснилось, не покинувший Кремль, ожидая результатов своего предательства, был обнаружен, однако не взят в узы немедленно, а прослежен до одного трактира. Там его дождался какой-то чернявый мужик. После разговора с ним Семен остался сидеть в трактире с ножом в печени, а мужик порскнул прямо ко двору боярина Велимы. А уж после этого с Велиминого двора разбежалось еще несколько гонцов ажно к пяти боярским подворьям и... дому Московской компании¹. Когда мне доложили это, я только скрипнул зубами. Ну, лаймы, и здесь без вас не обошлось... ну что ж, сами напросились.

Всех шестерых взяли тепленькими вечером в доме Велимы. Они по первости начали было хорохориться, грозить, что вот они уже со всеми посчитаются, что все таперича у них попляшут... но, узрев меня целым и невредимым в Грановитой палате, впали в ступор, а затем начали наперебой сдавать друг друга. Пятеро писцов, приведенные Митрофаном, не успевали записывать боярские признания, так что ему также пришлось взяться за перо. К рассвету, когда писцы окончательно изнемогли, а бояр приходилось уже не раз расцеплять, поскольку они в своих взаимных обвинениях дошли уже до рукопашной, я, все это время молча и неподвижно сидевший на ступеньке возвышения, на котором стоял мой трон, наконец пошевелился. И все мгновенно замолчали, испуганно уставившись на меня.

— Кто? — тихо спросил я, хотя ответ на этот вопрос был уже неоднократно повторен.

Но я спросил, и взгляды всех мгновенно скрестились на Велиме. Того перекосило... Я зябко повел плечами, кивнул Митрофану, тотчас исчезнувшему за дверью, поправил шубу, брошенную на плечи, а затем заговорил тихо и даже несколько печально:

— Ты убил моего друга, боярин... Сам ты мне сейчас совсем не интересен, все что мог — ты уже сделал, все что мог — рассказал, но... ты убил моего друга.— Я тяжело вздохнул.— И что же мне с тобой сделать?

Велима мелко задрожал. В этот момент дверь отворилась, и в палату быстро вошел Митрофан с подносом, на котором лежали за-

¹ Московская компания (Muscovy Trading Company) была основана в 1555 г. Коммерческие интересы Московской компании играли немалую роль в дипломатических отношениях между Россией и Англией, а представители Московской компании очень часто исполняли посольские функции в отношениях между двумя государствами. Компания имела собственное представительство в Москве, недалеко от Кремля, на улице Варварка.

стывшие комки вчерашнего картофельного пюре. Митрофан поставил поднос на пол у ног боярина Велимы.

— Так что же мне с тобой сделать? — тихо и задумчиво повторил я, а затем прикрыл глаза. В Грановитой палате установилась такая тишина, что, казалось, волос упадет на пол — и то будет слышно. — Впрочем, — все так же тихо продолжил я, — у тебя ведь есть сын, боярин, не так ли? И не один. А еще дочери... — Я улыбнулся, и все шестеро от этой улыбки невольно отшатнулись назад. — Это хорошо, боярин, — я удовлетворенно кивнул, — это хорошо. Я видел, как умирает у меня на руках мой друг, а ты... тебе, боярин, тоже будет на что посмотреть. Уж это я тебе обещаю...

Велима жалобно взвизгнул и, упав на колени, принялся торопливо, по-собачьи, ртом, давясь и кашляя, жрать с блюда засохшие комки картофельного пюре. Все оторопело уставились на эту картину. Кого-то из бояр разбила икота... Наконец яд, которым была щедро сдобрена картошка, подействовал, и Велима, завыв, повалился на бок, вцепившись обеими руками в живот. Я молча смотрел, как его било, как его гораздо менее крепкий, чем у Немого татя, желудок выворачивало и он блевал, извергая из себя съеденный яд, как он катался по полу, воя и дергаясь в судорогах... а когда он затих, спокойно перевел взгляд остальных бояр.

— Что же мне делать с вами, бояре? — все так же тихо начал я... и они разом повалились на пол и поползли ко мне на пузе, вопя и протягивая ко мне руки:

— Не погуби, государь! Не за себя прошу — за деток малых! Не погуби! Не виноватые они! Не...

— А о чем вы раньше думали? — чуть возвысив голос, прорычал я, поднимаясь на ноги, и бояр будто отшвырнуло от меня. — Ведь двое из вас и так под царевым указом?

Ответом мне были лишь придушенные завывания. Я несколько минут молча смотрел на них, а затем покачал головой.

— Да-а-а... и вы собирались государством рулить? Сына короля польского Владислава на царство звать? О чем вы только думали-то?.. — Я отвернулся и глухо произнес: — Вот что, бояре, видеть я вас более не могу. Так что поедете вы далеко и надолго...

Из пяти отверстых ртов шумно вырвался облегченный выдох.

— ...со всеми своими чадами и домочадцами, — продолжил между тем я. — А с кем, вам решать. Вотчины ваши я у вас забираю, но могу... *продать* новые. Недорого. Тысяч за триста рублей.

Ответом мне был изумленный всхлип. Озвученная мною цифра была просто непомерной.

— Государь?! — испуганно пролепетал один из бояр.

Я усмехнулся.

• Орел взмывает
ввысь •

Часть первая

НАСЛЕДНИКИ НЕВСКОГО

1

- Бей! Бей!
- Все на Песчаную дорогу! В Русскую деревню!¹ Бей русских!
- Бей! Бей!
- Эгей! Вперед, к Пороховой башне!

Отто Циммерман несся вперед, сжимая палку и разрывая рот в надсадном крике. Рядом с ним, потрясая не только палками, но и топорами, а кое-кто даже кинжалами и шпагами, бежало еще около сотни таких же, как он, молодых и не очень мелких торговцев, ремесленников и приказчиков, многие из которых состояли в древней и весьма уважаемой в городе гильдии Черноголовых². Наконец-то! Началось! Засилью этих проклятых русских в славном вольном городе Риге наступает конец! Честные рижане единым порывом поднялись на защиту своих прав и свобод, гнусно попираемых этими варварами с Востока...

- Бей! Бей!

Толпа выскочила к Песчаной, или, как ее стали именовать не так уж и давно, где-то после осады Риги шведами, Пороховой башне и ринулась мимо нее на Большую Песчаную дорогу, в район, именуемый Русской деревней, в котором еще с конца двенадцатого века селились русские ремесленники и купцы. За последние десять лет этот район неимоверно разросся. Ну еще бы, с той поры как проклятый швед Оксеншерна, чтоб его наконец-то черти забрали, установил для русских варваров нулевые таможенные пошлины, через Ригу ва-

¹ Русская деревня — в Риге территория от Пороховой башни до места, где сегодня располагается здание сейма, на которой еще с XII в. селились русские купцы и ремесленники. Вследствие этого соседняя с Пороховой башня называлась Русской. Пороховая, ранее Песчаная башня — фортификационное сооружение XIV в., прикрывающее исторически значимую для Риги Большую Песчаную дорогу.

² Гильдия, или общество Черноголовых — корпорация странствующих приказчиков и заграничных купцов, занимавшаяся закупкой и доставкой товаров в Ригу. Покровителем общества считался святой Маврикий, чей символ — черная голова — присутствовал на гербе братства. Отсюда и название общества.

лом пошел русский хлеб, лен, тушенка, фарфор и остальные товары. Вот только честному рижскому купцу от сего не было никакого прирбытка. Потому что все эти товары везли сами русские купцы, на своих же русских кораблях... ну не совсем русских, конечно.

Когда это русские могли сделать хоть что-то путное своими кривыми руками? Совершенно понятно, что все эти корабли русским кто-то построил. И товары, которыми они торгуют, также для них кто-то произвел. Ну не сами же они это сделали, в конце-то концов? Даже смешно такое предполагать! Они просто нагло воспользовались чьим-то трудом, присвоив себе исконно немецкое право торговать на балтийском побережье. Ну всем же известно, что это право со времен Ганзы принадлежит только немецким купцам! И в старые добрые времена, при благословенном Ливонском ордене, русские знали свое место. Тихонько доплывали до Риги и сбывали весь свой товар местным купцам. А куда деваться — таковы законы! Ну а с другой стороны Балтики приплывали собратья-ганзейцы и тут же весь товар у рижских купцов и покупали. Вот это было время... И плыть никуда не надо — и прибыль в кошельках знатная! Впрочем, при поляках тоже было куда ни шло, поляки же тоже славяне и потому, так же как и русские, совершенно неспособны к торговле. Поэтому им все равно приходилось обращаться за помощью к купцам славного немецкого города Риги. Да и шведы вначале вели себя как приличные люди. А вот когда покойный шведский король Густав II Адольф надумал ввязаться в не так уж давно закончившуюся войну в Германии, которую все уже начали называть Тридцатилетней, все и началась...

— Бей! Бей! — заорала толпа, и Отто натужно подхватил общий крик, потрясая над головой палкой.

Уф, вроде добрались. Ты смотри, затаились... вон окна-то все ставнями закрыты. Циммерман злобно перекошил рот. Ну, варвары и еретики-ортодоксы, держитесь. Сейчас, сейчас отольются вам все наши слезы... Где ж это такое видано — честного немецкого купца законной прибыли лишать! С тех пор как русские с попустительства шведского канцлера захватили в свои грязные лапы всю восточную балтийскую торговлю, на долю рижского купечества оставались жалкие крохи. Эти наглые русские предпочитали торговать с немцами, датчанами, голландцами, французами и англичанами самостоятельно, без посредников. Это ж уму непостижимо! Ну когда такое было-то?! А все их царь! Русские испокон веку были холопами. И таковыми и остались! Так что когда их царь пожелал, чтобы русские купцы начали торговать самостоятельно, те, вот ведь идиоты, из своего холопского рвения тут же кинулись рабски исполнять волю своего господина. Ну не дураки ли? Ведь совершенно ясно, что ниче-

го у них не получится. И что все вокруг их всюю обманывают, обсчитывают и шельмуют... жаль только, что такие возможности проходят мимо достойных рижских купцов. При этой мысли Отто зло ощерился и, подскочив к ближайшему аккуратному домику, с размаху опустил палку на запертую дверь. Потом еще раз и еще... А после пятого удара из-за двери послышался дрожащий, испуганный голос:

— Что нужно господину?

Циммерман замер. Вопрос был задан на немецком языке.

— Кто здесь? — недовольно спросил он, опуская палку.

— Я Марта Штайн, экономка.

Отто недоуменно огляделся. Толпа рассыпалась на небольшие группки, которые увлеченно ломались в двери и окна притихших домов. Шагах в двадцати дальше, на противоположной стороне улицы, троим налетчикам удалось вырвать одну из петель ставни, и сейчас они увлеченно выламывали оную, собираясь проникнуть в дом через окно. У большинства остальных успехи были куда скромнее. Ну еще бы, с таким оружием, как у них, штурмовать добротные каменные и деревянные дома, построенные таким образом, чтобы защититься от ночных грабителей, было сложно... Но удивление вызывало не это. А то, что рядом с Циммерманом не было никого. Отто насторожился. Похоже, это неспроста.

— А чей это дом, Марта?

— Господина Легери.

— Легери? — Циммерман наморщил лоб.

Легери... Легери... Где-то он уже слышал эту фамилию. О-о, Легери! Отто гигантским прыжком отскочил назад. Вот ведь незадача! Чуть не вляпался! Легери — венгерский купец, уважаемый член общества Черноголовых. В хороших отношениях с самим шведским комендантом... Но какого черта его дом расположен в Русской деревне? Он что, не мог поселиться среди приличных людей?

— Что, Циммерман, попытался заглотать добычу не по своему брюху? — раздался слева голос Вальтера Блюхе, приятеля Отто и тоже приказчика. — Давай к нам. Я думаю, вот в этом доме будет чем поживиться!

Циммерман раздраженно фыркнул и, досадливо сплюнув, бросился к каменному столбику коновязи, который, пыхтя, выворачивали из мостовой Блюхе с приятелями. Похоже, они собирались использовать его в качестве тарана, намереваясь выбить им дверь соседнего дома.

— Ты знал? — прорычал он, налегая на уже поддавшийся столбик.

— А то, — пыхтя, отозвался Вальтер. — А ты разве не слышал, что говорил герр Штаубе в зале Черноголовых?

— В зале Черноголовых?

— Ну да.— Блюхе даже на мгновение перестал раскачивать столбик и удивленно уставился на Циммермана.— А ты разве не оттуда с нами бежишь?

— Да нет, я выскочил из лавки, когда вы бежали мимо.— Отто злорадно усмехнулся.— Старина Михель еще орал, чтобы я немедленно вернулся на рабочее место.

— Ну что еще можно было ожидать от Старины Михеля? — презрительно скривился Блюхе.— Он всегда предпочитает спрятаться в своей лавке, будто улитка, и молиться, чтобы все неприятности обошли его стороной. А ты что, не слышал о большом сборе? Вроде всех наших оповещали.

— Нет,— мотнул головой Отто.— Я вчера поздно вечером приплыл из Динабурга. Старина Михель посылал меня с грузом соли.— Циммерман сплюнул.— Все выслуживается перед этим русским купцом, Рюкавишничкоффым. Стоило тому только заикнуться, как тут же снарядил корабль...

Вальтер загадочно усмехнулся.

— Вот как...— Он повернул голову к остальным и со смехом произнес: — Парни, наш добрый друг Отто только вчера вернулся, выполняя поручение для герра Рукавишникова.

— У-у, о-о-о, оле...— заулюлюкали вокруг недоуменно оглядывающегося Циммермана.

— Так это у тебя уже давно...— с хохотом прокомментировал заявление один из соратников Блюхе.

— И никак не проходит,— тут же отозвался другой.

— Дело в том, друг мой,— вкрадчиво начал Вальтер, отрываясь от столбика и этак по-отечески приобнимая Отто за плечи,— что вот этот дом принадлежит как раз этому русскому негодяю — Трифону Рюкавишничкоффу. Так что ты, получается, и сегодня,— он аж хрюкнул от смеха,— тоже работаешь на него...

И все вокруг буквально зашлись от хохота. Циммерман некоторое время стоял красный от недовольства, ну очень ему не нравилось, когда над ним смеются, но затем комизм ситуации дошел и до него, и он, пусть и через силу, улыбнулся.

— Уф...— наконец выдохнул Блюхе,— ну и насмешил!.. И долго ты проторчал в Динабурге?

— Неделю,— мрачно отозвался Циммерман.— Русского пришлось ждать.

— Ну теперь понятно, почему ты ничего не знаешь. Так вот слушай. Мы в Малой гильдии¹ решили покончить с засильем этих вос-

¹ Второе название общества Черноголовых.

точных варваров. Большая гильдия — на нашей стороне, но сами они не решились вмешаться. Зато пообещали, что из предзамка¹ на наши действия посмотрят сквозь пальцы. Ну да нам больше ничего и не надо...

Отто угрюмо кивнул. Так вот, значит, оно как... весь этот бунт не сам по себе, неспроста. Это не вольные рижские люди восстали против засилья русских варваров, а... Что там «а» — он додумать не успел. Поскольку с противоположной стороны улицы послышался треск, тут же заглушенный восторженным ревом. Циммерман оглянулся. Парням у соседнего дома наконец-таки удалось оторвать створку ставни, и они встретили эту победу бурным восторгом.

— Эй, ребята, — встревоженно закричал Блюхе, — а ну, поднажмем! А то этот Грубер нас точно опередит.

— Как это опередит? — удивился Отто. — В чем?

— Ты же не был в зале Черноголовых, — снисходительно отозвался Вальтер, — и не слышал, как Пауль Рабке пообещал десять талеров тем, кто первыми ворвется в дома этих русских варваров. Ну сразу после того, как всем объяснили, какие дома нельзя трогать ни в коем случае.

— Да уж, — снова отозвался тот самый приятель Блюхе, который констатировал, что у Отто «никак не проходит». — Мы все тут животики надорвали, глядя, как ты ломишься в дом господина Легери.

И все снова заржали.

— А какого дьявола Легери поселился здесь? — зло огрызнулся Циммерман. — Что, не мог найти более приличных соседей?

— Ну перед русскими последнее время многие заискивали, — пожал плечами Вальтер. — Да хотя бы твоего Старину Михеля взять. Считаю, стелется перед ними. — Блюхе презрительно скривился. — Все мечтает ухватить побольше объедков с их стола, вместо того чтобы твердо и жестко взять то, что принадлежит рижским купцам по праву. Ну да ничего... дай срок, мы и их выкинем из Риги вместе с их русскими хозяевами.

Циммермана слегка кольнуло. Нет, он не испытывал никакой особой любви к Старине Михелю, да и уважения, если честно, тоже. Но Старина Михель был рижанином, причем рижанином в черт знает каком поколении. Как и сам Отто, кстати. А вот Блюхе обосновались в Риге всего десять лет назад, когда отец Вальтера перебрался сюда из Любека. Ну и какое он имел право решать: жить Старине Михелю в Риге или не жить? Да и вообще, весь этот бунт, к которому он присоединился с таким воодушевлением, теперь вызывал у Отто сильное подозрение. Он-то думал, что поднялась вся Рига, единым

¹ Построенная шведами пристройка к Рижскому замку, в котором размещались службы шведского коменданта Риги.

порывом, а тут... Циммерман разогнулся и огляделся. Ну да... все та же сотня молодых, крепких парней, многих он не раз встречал в таверне «У старого Карла», где они собирались попить пива и почесать языки насчет того, как эти проклятые русские гнобят и притесняют старых рижан... Хотя из рижан, которые действительно могли причислять себя к старым семьям, в той таверне обычно бывало всего человек восемь — десять, считая и самого Отто. Остальные же горлодеры были из тех, кто переселился в город не так уж и давно и по идее знать о порядках, царивших во времена Ливонского ордена или чуть позже, не могли. Если им о них кто-нибудь специально не рассказал. А между тем рассуждали они о них с большим апломбом...

Бабах!

Выстрел раздался как гром среди ясного неба. Отто бросил ломать столбик, прынул к стене и обернулся. Один из налетчиков из той ватаги, что выломали окно соседнего дома, валялся на мостовой, зажимая плечо и дико воя. Сквозь его пальцы всюю хлестала кровь.

— Да у них пистолеты! — изумленно воскликнул Блюхе.

Циммерман покосился на него.

— И что? Почему это тебя удивляет?

Вальтер растерянно посмотрел на приятеля.

— Но ведь Рабке сказал, что никакого оружия у русских нет. Шведы еще три дня тому назад повели им сдать все хранившееся в их домах оружие. А вчера прошли по всем домам с проверкой. Он сказал, что сам видел конфискованные у русских мушкеты, пистолеты и сабли...

Циммерман покачал головой. Да, странно... Это что же, русские решились нарушить прямое распоряжение самого господина коменданта? Это должно выйти им боком... потом. А вот сейчас...

В этот момент из того же разбитого окна с отломанной ставней раздался еще один выстрел. И сразу вслед за ним налетчик, увлеченно карабкающийся на крышу дома, расположенного шагов на двадцать дальше, рухнул вниз, подвывая и вцепившись в простреленную лодыжку.

— Эх ты, — не выдержал Отто и одобрительно кивнул, — хорошо стреляет! Как далеко из пистолета попал...

Поскольку Старина Михель частенько отсылал его с различными поручениями по всей Лифляндии и Курляндии, молодой приказчик был обучен обращению с оружием и знал толк в меткой стрельбе. Так вот сам бы он вряд ли сумел попасть в человека из пистолета на таком большом расстоянии.

— Ты как хочешь, Вальтер, — насупившись, произнес все тот же приятель Блюхе, — а я, пожалуй, пойду отсюда. Мы так не договаривались. Рабке нас обманул. Он обещал, что мы сможем тут хорошо

пожиться и что опасаться нам совершенно нечего. А мы пока еще никакой добычи не заимели, зато уже двоих подстрелили.

— Ганс, ты что? — Блюхе ухватил его за плечо. — Ты испугался одного пистолета? К тому же он не в том доме, в который мы собирались забраться.

— Не в том-то не в том, а вот стреляет он не только по тем, кто лезет к нему, а по всем, кого увидит, — хмуро отозвался Ганс.

И, подтверждая его слова, тут же раздался еще один выстрел, сразу же дополненный очередным воплем. Орала откуда-то из-за угла. Улица была пустынна — налетчики попрятались, но, как видно, не все хорошо...

Вальтер досадливо прикусил губу и оглядел свою ватагу, бросившую столбик. Подобные аргументы крыть было нечем.

— И вообще, чего мы тут забыли? — снова подал голос Ганс. — Побежали в порт, к складам. Ну что тут можно наgrabить? Русские купцы здесь же и не живут, так, останавливаются по пути. Я не думаю, что в этих домах найдется так уж много хорошей добычи. И вообще, я думаю, Рабке специально нас сюда отправил, подальше от порта, а сам сейчас со своими людьми спокойно потрошит их склады.

Ответом ему стал одобрительный гул. Отто же внимательно смотрел на Вальтера. Того явно раздосадовало предложение Ганса. И Циммерману отчего-то показалось, что его приятелю Блюхе почему-то было необходимо, чтобы они все остались здесь и продолжили ломиться в дома русских.

— Ты глупец, Ганс! — закричал Вальтер. — Глупец и трус! Как в доме у *кутца* может не быть чем пожить? И кого ты испугался? Одного русского с пистолетом? Так знай, что в порту у складов — торговая стража! И пистолет там будет явно не один!

Все переглянулись. В словах Блюхе был смысл... К тому же Вальтер не дал им возможности поразмышлять над его словами, а тут же заорал:

— Ну что встали? Давай навались!.. Еще немного, и мы выворотим этот чертов столб из мостовой... Не робей, этот русский с пистолетом сюда стрелять не может. Ему мешает вторая створка ставен. Давай-давай... шевелись... вот, вот уже... пошло-о-о... Молодцы! А ну, взялись!

И все дружно подхватили на руки выломанный из мостовой столбик, разворачиваясь в сторону двери того дома, который изначально наметили как свою добычу. Столбик был тяжелым, к тому же его нижняя часть была измазана в земле, отчего камень скользил в руках, но Циммерман сумел-таки его удержать. Поэтому, когда они с воодушевленным ревом бросились к двери, намереваясь первым же ударом вышибить довольно хлипкую створку, он мчался вместе со

всеми, так же радостно ревя и выбросив из головы все посторонние мысли. Вот сейчас, уже...

Выстрел прозвучал неожиданно. И в следующее мгновение Отто Циммерман обнаружил, что лежит на брусчатке мостовой и обеими руками держится за простреленное бедро. А в двух шагах от него катается по мостовой Вальтер Блюхе, визжа и держась за ступню, расплющенную вывалившимся из рук разбегающихся налетчиков столбиком.

— Это... что же... — силло прохрипел Отто и, повернув голову, уставился на окно, из которого стреляли из пистолета.

Ну да... Блюхе — идиот! Не сможет выстрелить, не сможет выстрелить... Да неведомый стрелок просто открыл вторую створку и совершенно спокойно выпалил по их ревушей компании. Циммерман судорожно всхлипнул. Нет, трусом он не был и раны не боялся, хотя до сего момента случая вступить с кем-нибудь в бой ему пока не представилось. Но погибнуть так глупо, просто истечь кровью на улице во время неудачного погрома и не дожить до минуты, когда Рига вновь станет свободной... это было обидно. А никого, кто смог бы ему помочь, поблизости уже не было. Похоже, остальные рассудили, что четверых раненых еще до того, как они ворвались в дома и успели получить хоть какой-то ощутимый доход, с них довольно, и поспешили покинуть это неожиданно ставшее опасным место. Ведь практически все, кто ворвался в Русскую деревню, имели отношение к торговле и умели сводить дебет с кредитом. И вырисовывающийся баланс никому из них не понравился. В конце концов, кем бы ни был этот стрелок, огнестрельным оружием он владел куда как умело. А стрелять начал только после того, как налетчики полезли в дом. И кто мог поручиться, что и в других домах налетчиков не встретит столь же теплый прием. Ведь всем известно: эти русские — варвары! Они на все способны, даже защищать свое достояние до последней капли крови. Не то что евреи. Вот тех грабить — сплошное удовольствие... Кстати насчет евреев, их квартал находится тут недалеко, за углом, так, может...

Эти ли мысли внезапно посетили налетчиков, либо какие другие — гадать можно долго. Но, как бы там ни было, результатом оказалось то, что к тому моменту, когда дверь самого пострадавшего в столь бесславно закончившемся погроме дома распахнулась, никого из *целых* налетчиков на улице уже не было. На пороге появился настороженный человек в ярко-алом наряде, почему-то сразу вызвавшим у Циммермана ассоциацию с армейским мундиром, с пистолетом в одной руке и обнаженной саблей в другой. Человек несколько мгновений постоял, ощупывая окружающее пространство насторо-

женным взглядом слегка прищуренных глаз, а затем негромко приказал по-русски:

— Савватей, Торгут, за мной, — и вышел наружу.

Отто со страдальчески искривившимся лицом смотрел на него. Сейчас этот русский варвар его убьет. Вот дьявол, ну почему он не послушался Старину Михеля?! Сидел бы сейчас в его лавке и...

Русский военный, неведомо каким образом оказавшийся здесь, на тихой улочке рижского предместья, внимательно осмотрелся и кивнул в сторону Циммермана:

— Так, Савватей, Торгут, хватайте-ка вон этого и тащите в дом. А я пока других постоорожу.

— Да пошто, Митрий Дормидонтыч, — отозвался один из двух подручных человека в красном мундире, выделявшийся широкой, окладистой бородой, в то время как у второго бороденка была реденькая, — Торгутка их и здесь запросто прирежет. Зачем мараться-то? Евон у него из ноги кровийца-то как хлещет...

— Ты бы, Савватей, не умничал, — ернически оторвался тот, кого назвали Митрием Дормидонтычем, — а быстро делал что велено. Прирезать мы его всегда успеем, а сначала надо поспросать, чего это рижские немцы тут вздумали бунт учинять. Или ты думаешь, они просто так, спьяну, дома купцов да ремесленников русских громить отправились? Да еще аккурат опосля того, как свеи у всех местных русских оружие поотбирали.

— Да я че, я ж ничего... — тут же пошел на попятный бородатый. — Сказано — сделаем.

— Вот то-то, — усмехнулся военный, — отнесете — и быстро назад. Сразу же второго возьмем. А потом и тех, кто еще остался. Я вроде как четверых подстрелил, но двое, похоже, уехали. Ну да мне для спору и троих хватит...

И тут Отто застонал, потому как его довольно бесцеремонно подняли сильные руки и поволокли в дом, из которого и появились эти трое.

В доме оказалось еще два человека — испуганная женщина, укутанная в теплую шаль, и седой старик. Двое подручных военного довольно грубо опустили Циммермана на тщательно выскобленный пол, потом бородатый вытащил из-за кушака длинный нож крайне разбойничьего вида и протянул старику.

— Вот, папаша, покарауль его, покамест мы остальных не принесем. Ежели что — сразу коли ему в пузо. После того он уже будет и не боец, и не жилец, но все одно Митрию Дормидонтычу все чего надобно рассказать успеет. — Бородатый бросил исподлобья взгляд на Отто. — Ты-то, тать, по-русски разумеешь ли?

Циммерман сглотнул. Смешно... Спрашивать сегодня у купече-

ского приказчика: разумеет ли он по-русски? А кто б его иначе-то на работу взял?

— Не слышу?! — грозно взревел бородатый.

— Да, господин,— испуганно пробормотал Циммерман и на всякий случай кивнул.

Бородатый хмыкнул и вышел наружу...

Спустя несколько минут Вальтер и еще один пострадавший налетчик, тот самый, кто попытался забраться в окно, а затем упал у самой стены, тоже оказались в доме, в который налетчикам едва не удалось проникнуть. За это время женщина успела перетянуть Циммерману рану на ноге, остановив кровь, и сейчас хлопотала над тем, что с простреленным плечом.

Подручные военного внесли Блюхе, которому выпала последняя очередь быть доставленным в еще недавно столь желанное для налетчиков помещение, за ними вошел военный, аккуратно закрыл за собой дверь, задвинул задвижку и, окинув взглядом живописную картину, хмыкнул:

— Да уж, ухари...

— Герр Колесников...— тут же забормотал, чуть коверкая слова, старик.

Похоже, он был ливом, а может, латгалом или куршем. Кто их разберет, этих дикарей. Они вообще начали появляться в исконно немецкой Риге только в последнее время и во многом как раз благодаря этим варварам русским. До того никому и в голову не приходило позволять местным дикарям поселяться в городе. Максимум, что им дозволялось,— это продавать, причем где-нибудь на окраине, а не на рыночной площади, товары со своих жалких полей и огородишек (ну совершенно ясно, что лучшая земля принадлежит немцам) и приходиться в наиболее бедные дома делать уборку. Потому что в зажиточных держали чисто немецкую прислугу. А тут... впрочем, чего еще можно было ждать от *русского* купца?

— ...клянусь, само Провидение послало нам вас. Если бы вы вчера не постучались в эту дверь и не попросились на постой, то я не знаю...

Отто невольно поморщился. Этот дикарь еще смеет рассуждать о Провидении...

— Да, ладноть,— добродушно махнул рукой военный.— Куды мне деваться-то было? Эвон, городские ворота-то уж закрыты были, не в поле же ночевать? Наночевался уже. И еще наночуюсь, похоже, коль здесь у вас такие дела затеваются...— Тут его взгляд заледенел, и он, присев на корточки так, чтобы его лицо оказалось напротив испуганной рожи раненного в плечо налетчика, рявкнул: — Как звать?!

— Ге... Гельмут, уважаемый господин... пож... пожалуйста, вы не могли бы позвать врача, врача, скорее...

— Обойдешься,— нахмурился военный.— Сначала я должен убедиться, что тебя стоит лечить. А то, можа, легче, да и справедливей оставить тебя сдохнуть, как собаку... А ну-ка, давай рассказывай, кто это вас надоумил идти Русскую деревню грабить?

Гельмут испуганно покосился на Вальтера, тот смотрел на него напряженным взглядом. Но этот взгляд, как тут же выяснилось, заметил и военный. И сумел верно его оценить. Он хмыкнул, а затем внезапно выдернул из-за пояса пистолет, который засунул туда, войдя в дом, и приставил его ко лбу Вальтера.

— Вот, значит, оно как... паря. Чегой-то этот Гельмут на тебя косится? Знать, ты поглавнее его будешь. Так что давай пой, кто это вас сюда пойти науськал.

— Я...— побледневший Вальтер облизнул мгновенно пересохшие губы,— я ничего не...

— Твое дело, паря,— усмехнулся военный,— не хочешь говорить — не надо.— И он с щелчком взвел курок пистолета с зажатым в нем опаленным предыдущими выстрелами кремнем.— Коль решил молчать — так я тебя сейчас и кончу. И этим другим покажу, как им делать не след. Авось они поговорчивей будут.

— Нет! — почти по-бабьи взвизгнул Блюхе.— Не надо! Я все скажу... все... Это все Пауль Рабке. Это он, он! Он приехал из Любека месяц назад. И сказал, что...

Вальтер пел будто соловей. Как выяснилось, Пауль Рабке прибыл из Любека с тайным поручением от какого-то высокопоставленного лица, коему надоело засилье русских купцов на просторах Балтики. И то сказать, ладно бы русские торговали по-старому, как оно велось испокон веку,— пенькой, льном, воском, поташом, салом... так ведь нет, они все переиначили. Вместо воска торговали всякой разной вощиной или уже готовыми свечами, вместо пеньки — канатами и веревками, вместо льна — парусиной и беленым либо крашеным полотном. Целые мануфактуры, заточенные под переработку русского сырья, разорались, и торговые люди терпели сильные убытки. Ну кому такое может понравиться? Не говоря уж о том, что те же шведы ранее только на перепродаже русского хлеба имели почти миллион талеров в год. А теперь все эти деньги оседали в карманах жадных русских купцов. Неудивительно, что люди наконец раскачались и решили предпринять усилия, дабы восстановить нагло поправную справедливость...

Впрочем, рассуждения о справедливости военный в красном мундире пропустил мимо ушей, зато очень умело, всего парой вопросов и легким движением пистолетного дула у переносицы, переключил излияния Вальтера с прибывшего месяц назад Пауля Рабке на него самого. Где, когда, с кем, сколько получал, о чем должен был

говорить... Где-то в середине этой речи Отто почувствовал, что его щеки стали совершенно пунцовыми. Оказывается, его развели как телка. Все эти разговоры, которые велись в таверне «У старого Карла» и которые он воспринимал как полную и абсолютную истину, ранее намеренно скрытую от него, а вот теперь, сейчас, открытую ему умными и честными людьми, с кем ему так повезло познакомиться и подружиться, как теперь выяснилось, в большинстве своем оказались ложью...

И велись они как раз для того, чтобы, когда поступит команда действовать, у Вальтера Блюхе, Пауля Рабке и их хозяев под рукой оказались бы молодые, крепкие ребята, искренне возмущенные «творящимся беззаконием» и способные сделать все так, как и надобно этим хозяевам, но при этом искренне считая, что они действуют по своему собственному разумению и побуждению. И лишь немногие из тех, кто сегодня ворвался в Русскую деревню, горя возмущением и негодованием (а также, куда уж деваться, желанием пограбить и преумножить сим свое благосостояние), знали или хотя бы догадывались, что происходит на самом деле. Как раз одним из таких догадывающихся и был Гельмут. А вот Отто оказался bestолочью...

— Вот так-то, паря...— сказал ему военный, закончив перекрестный допрос, после которого полный расклад стал понятен не только ему, но и всем остальным, в том числе и Циммерману. А его отношение к услышанному, похоже, оказалось явно написано на его лице.— Так вот с такими, как ты, телками завсегда и поступают. Поманят чем красивым — волей там или энтой... справедливостью, а потом и гонят на убой.

Отто вздрогнул. Русский, да еще военный, рассуждающий о высоких материях... это выглядело как минимум странно. И еще более странным было то, что он, похоже, был полностью прав...

— Ну да ладно, ништо,— продолжил между тем русский,— теперь-то эти мужи хитромудрые у нас попляшут.— Он почти по-дружески подмигнул Отто и развернулся к старику.— Вот что, отец. Ехать мне надобно. Да поскорее. Да не туда, куда собирался, а обратно, в Полоцк. К войсковому дознавателю. Сам видишь, какие тут у вас дела творятся... Да не одному, а с энтыми тремя. Телега-то у тебя есть?

— Есть-есть,— закивал старик,— даже две.

— Ну так давай закладывай.

— А,— старик запнулся,— господин кирасир, можно и нам с вами? Клянусь, мы...

— Ты не клянись,— оборвал его военный,— просто не отставай. Потому как я ждать не буду. Так что давай иди быстрее. А я их покамест по дохтурскому делу обихожу.

— Но... врач,— робко начал Гельмут.

— Не бойсь,— усмехнулся военный,— не первый раз такие раны врачую. Знаю, как оно делать надобно. А к городскому дохтуру я тебя не повезу. Не обессудь. Времени нет. Уезжать надобно, пока этот ваш Пауль Рабке не опомнился. Причем вам как бы не быстрее, чем мне. А то он вас всех тут же к ногтю прижмет, чтобы свои темные делишки покрыть. Ибо вы теперь противу него первые видоки. Я-то что, капитан царевых кирасир, проездом ехавший. А вы — местные, речи его и его подручных не один день слушавшие, сами в погроме, им учиненном, участвовавшие. Ему теперь от вас сколь можно быстрее избавиться следует. Да при удаче еще и на меня все и свалить...

Циммерман поежился и настороженно покосился на дверь. А ну как этот самый Рабке сейчас ворвется в дверь со своими слугами? Но военный, заметив его взгляд и, к удивлению Отто, очень точно его истолковав, развеял его опасения:

— Не, сейчас ему не до этого. Да и не знает он, скорее всего, ничего еще. Эвон твой подельник-то что говорил? Что его людишки ноне-ча склады в порту грабят. А вас более для отвлечения внимания послали. Чтобы тут, значит, пожар запалить и хучь часть портовой стражи сюда отвлечь. Да, можа, и свеям основание дать в порту порядок подольше не восстанавливать. Мол, на беспорядки в городе отвлеклись, вот и не успели. Да токмо ваши все, я так думаю, не к нему помчались докладать о своем конфузе, а либо, как оно обычно при любом погроме бывает, евреев потрошить, либо, ежели я их совсем шибко испужал, вообще по домам. Так что покамест до него слух дойдет, покамест он своих людишек от грабежей сумеет оторвать да сюда двинет — мы десять раз скрыться успеем...

Уже сидя в телеге, с наново и очень умело перевязанной ногой и не менее умело связанными сзади подручным военного — редкородым азиатом совершенно звероватого вида — руками, Циммерман уставился в спину военного, обтянутую красным сукном мундира. Ой, какой-то неправильный военный им попался. Эвон как все сотворил-то. И от налета в одиночку отбил, и из Блюхе сумел всю правду извлечь, и вообще... Но тот, как видно, спиной почувствовал его взгляд и, резко развернувшись, ухмыльнулся Отто.

— Что, болезный ты мой, гадаешь, откуль я такой шустрый взялся? А оттель, что я — кирасир! В кирасиры запросто так попасть никому невозможно. Надобно и доблесть, и волю, и смекалку проявить недюжинные... Но зато наши полки николи на жилое и не распускают, и по старости нас тоже никого не увольняют. Так государю и служим до смерти. И в бою врагов сеча, и иную какую крамолу и потаю вредную на государя и страну нашу, Русь Святую, изыскивая. Так что очень вашим этим хозяйвам не повезло, что я ныне мимо ехал...

Я сидел и смотрел на человека, стоящего передо мной. Узкие раскосые глаза, черные волосы, смуглая кожа и угадываемые под рясой кривые ноги — наследство сотен поколений степных всадников. Кто же он такой? Какого рода-племени? Я хмыкнул, потому что вопрос был глупым. Он — русский...

Последняя перепись населения, которую впервые осуществили совместно два приказа — Большой казны и Большой счетный, принесла мне очень интересные сведения. Численность населения страны уже перевалила за двадцать три миллиона. И это счетных! То есть только тех, на ком лежала та или иная тягота — служба государева, божье моление и сиротское бо старческое призрение, коим облагались монастыри и епархии (у меня не поотлыниваешь), государева казачья служба, подушная подать либо ясак. Кроме того, по прикидкам дьяком Счетного приказа, на территории страны проживало где-то около миллиона несосчитанных — среди которых были и калики перехожие, и скоморохи, ватаги, коих удалось-таки отучить от татьбы, но по большей части таковые жили, конечно, в совсем уж глухих таежных, степных и тундровых стойбищах. Эта перепись, проводимая в первую очередь для приказа Большой казны, нуждающегося в регулярном обновлении базы подушного налогообложения, впервые прошла по более расширенному списку параметров.

Я решил поставить многие свои экономические и демографические программы на научную основу, для чего и основал Счетный приказ, повелев ему неустанно собирать сведения откуда только возможно — из таможенных и карантинных изб, от царевых мытней, из общинных списков и так далее. Ну и регулярно работать «в поле». Так что нынешняя перепись развернула передо мной куда как более обширную картину современного состояния России, чем та, которой я обладал ранее. И вот тут-то выяснилось, что на вопрос, какого ты, родимый, роду-племени, подавляющее большинство населения ничтоже сумняшеся ответствовало — русский. А конкретно — таковыми объявило себя почти двадцать два миллиона человек. При том что ранее считалось, что в стране живет не менее четырех миллионов инородцев — татары, мордва, чувашы, тунгусы, ногайцы, башкиры, вотяки, монголы и так далее. Не говоря уж о не так давно переселившихся немцах и всяких там поляках с молдаванами, также активно бегущих кто от своих панов, а кто от османов на мои западные и южные земли.

Я так сильно заинтересовался такой странной статистикой, что даже повелел провести специальное расследование, которое поручил игумену основанного еще моим батюшкой Заиконоспасского

монастыря Григорию. А тот отрядил на сие дело инока Иону, оказавшегося крещеным ногайцем, взятым в Божьи слуги малым ребенком, из числа тех отроков, коих я повелел принять в обучение в монастыри после той давней уже замятни, случившейся между башкирами, казанскими татарами и ногайцами аккурат опосля Южной войны. Заиконоспасский и еще три монастыря числились ставропигиальными только формально, а на самом деле состояли в так называемом особливом списке, то есть управлялись напрямую не только патриархом, но и царем. Все четыре монастыря имели свой особенный устав, возглавлялись игуменами из числа тех, что в свое время сумели освоить школу Шаолиня и, по существу, являлись моим православным ответом на существование иезуитов. А что?

Именно иезуиты в свое время сумели окрестить всю Латинскую Америку и Африку, коя в двадцатом — двадцать первом веках в основном и будет содержать Престол святого Петра. И именно латиноамериканцы и африканцы составляют три четверти того самого миллиарда католиков, коим так гордятся папы, именуя свою паству самой многочисленной христианской конфессией в мире. Так разве нам, православным, помешает специализированная структура, заточенная под подобные задачи? Вот и я так считаю... То есть как оно будет на самом деле, надо еще, конечно, посмотреть, но попробовать сотворить с Божьей помощью (потому как без нее в таком деле все равно ничего не получится), нечто такое я рискнул. И пока поводов для разочарования не просматривалось...

Так вот сейчас инок Иона, поедая меня своими раскосыми глазами, докладывал мне результаты своего расследования. Я сделал жест рукой, прерывая доклад, и некоторое время размышлял над изложенным. А затем задумчиво переспросил:

— Значит, говоришь, среди тех, кого ранее считали казанскими татарами, православных и русскими себя считающих таперича более половины выходит?

Инок смущенно кашлянул.

— Не совсем так, государь. Среди татар число магометан за сорок лет токмо на треть упало. Ну, может, чуть больше... Просто опосля той замятни... ну которую казанцы, башкиры и ногайцы между собой учинили, многие роды вырезаны были либо зимой вымерзли. А в те земли другие пришли — и из русских уездов, а тако же мордва и чувашаи. А оне спокон веку уже как православные. И многие, пришедши, жинок себе из татарок взяли, ну покрестив их, конечно. А потом так и пошло... У новых поселенцев твоей волей, государь, да патриарховым радением церкви строиться начали, а мечетей в округе мало. Почитай, токмо в городах. Потому и остальной народишко-то

начал креститься, чтобы не во блуде, а по закону жить. Да и ремесло какое иное токмо православным доверяли.

Например, лоды торговые от Астрахани до торгового тракта, что между Волгой и Доном проложен, токмо тем ватагам водить дозволялось, кто крестное целование давал. А то дело выгодное. Ватаги, что лоды купеческие бечевою да волами вверх по Волге таскают, более всего в тех краях серебра имают. Потому и женихи из них знатные, и семьи у таковых завсегда многочисленные... И царь-рыбу опять же ловить токмо те артели могли, кто крест целовал по цареву закону сие справлять. Вот много татар и покрестилось. А там и школы приходские, тако же твоим тщанием и патриаршим радением устроенные... Так что ежели отцы более по житейскому умыслию крестились, то дети, батюшками в приходских школах обученные, в вере уже куда тверже стояли. А ноне, как внуки пошли, и вообще... — Инок махнул рукой.

А я мысленно усмехнулся. Значит, вот как они самоидентифицируются-то. Считай, по-казачьи. Потому как казаки своего каким образом определяли? По-русски говоришь, по-православному крестисься, кругу казачьему крест целуешь? Все — казак! Так и тут. По-русски говоришь? Веры православной? Следовательно — русский, и никаких гвоздей!

Скажите — а как же чистота крови?!

А никак! Еще в двадцатом веке генетикой однозначно доказано, что смешение кровей всегда потомству на благо идет. А вот близкородственный инбридинг однозначно приводит к вырождению. Американцы вон в оставленном мной будущем даже целую лотерею из-за этого затеяли по своим грин-картам. Подал в посольство анкету на английском языке — считай, лотерейный билет купил. Более чем пятидесяти тысячам человек каждый год в страну въезжать позволяли. Ну ежели те деньги на билет и жизнь найдут. Именно для поддержания генетического разнообразия. Поскольку большинство участников такой лотереи как раз из самых бедных и отсталых стран были — из Бангладеш, Ганы и иных задворков цивилизации. Потому как, чтобы в Штаты из той же Европы попасть, никаких особенных усилий не требовалось, а вот для таких задворков цивилизации подобная лотерея — едва ли не единственный шанс перепрыгнуть из глухого угла третьего мира в первый. Пусть даже на его помойки, потому как ничего более таким иммигрантам по первости там не светило... Да еще и самые сливки наловчились снимать. Ведь чтобы в этой лотерее участвовать — английский язык знать надо, а его еще попробуй в этих странах выучи. Очень большое упорство и волю иметь надобно...

Впрочем, у нас, русских, нечто подобное вообще спокон веку как бы само по себе творилось. Вот, скажем, я — русский? Да стопроцентно! Не просто русский, но еще и русский царь. А по Разрядным книгам (уж не знаю, насколько им можно верить) предком Годуновых был татарский князь Чета, перешедший на русскую службу во времена Ивана Калиты. И мы, Годуновы, такие не одни. Недаром моя тетушка... ну та, которая аккурат в самом конце двадцатого века преставилась, говаривала: «Колупни русского — отыщешь татарина». И вообще, среди предков русской знати кого только не встречается. О скандинавах, татарах, литвинах и греках я уж и не говорю — сплошь и рядом, так ведь совсем экзотические предки есть — от гишпанцев до шотландцев и персиян. Кого только на службу к русским князьям не заносило, и кто только здесь, на Руси-матушке, не оседал, за верную службу князем поместьем, а то и вотчиной пожалованный... Да и простой народ, вроде как испокон веку здесь проживавший, возьми — так тоже с этой исконной русскостью (коей так кичились в покинутом мною времени всякие крайние русские националисты) проблема вылезает. Стоит только чуть в глубь веков залезть, так среди своих предков можно и такого отыскать, кой на тебя, назови ты его русским, с кулаками полезет. И орать будет, что не хрен обзываться, потому как он тебе никакой не русский, а самый что ни на есть полянин, или древлянин, или кривич, или вятч, или радимич, или чистокровный мурома! Из коих, как известно, самый главный русский богатырь — Илья Муромец и был. Охохонюшки, нет, если в эти национальные дела углубляться, так вообще мозги закипят...

Ну да и не хрен углубляться! Потому как, по моему мнению, все идет ну просто прелестно: число русских — множится, и они друг за дружку тут крепко держатся, не глядя на то, у кого какие волосы и глаза. А не как в мое время, когда в той же Чечне, Таджикистане и иных национальных окраинах русские семьи вырезали, а их такие же русские соседи, за которыми ну совершенно точно должны были прийти уже завтра, молча сидели по своим дворам и молились, чтобы вот сегодня, сейчас, пронесло бы. То есть умри ты сегодня — а я завтра. Так, кстати, со многими там и произошло... А на рожу смотреть — последнее дело. Эвон так почитай большую часть русского населения Сибири можно нерусскими объявить. Ведь почти все казачки сибирские себе в женки якуток, тунгусок да вогулок взяли¹, и ребятенки у них с очень характерным разрезом глаз понараждались. И что теперь?..

¹ Например, великий русский землепроходец, уроженец Великого Устюга Семен Дежнев был женат на якутке Абакаяд Сючю, а жена соратника Дежнева, холмогорца Федота Попова, якутка Кивиль вообще путешествовала вместе с мужем и стала первой женщиной, прошедшей тогда еще не названным проливом из Северного Ледовитого океана в Тихий.

Вот только немцы-то как шустро себя в русские записали. Еще поколение не сменилось, а уже обрусели. Значит, сработала моя идея их по одной семье в русские деревни расселять...

Отпустив инока, я поднялся из-за стола и подошел к окну. За окном колыхались ветви сирени. Отцвела она уже давно, лето к исходу идет, но все равно глаз радовала.

— Государь!

В приоткрытой двери кабинета нарисовалась уже почти совсем седая голова Аникея с довольно потешно выглядящими на его физиономии очками. Это был результат еще одного моего «откровения», случившегося как раз тогда, когда зрение начало садиться и у меня самого. И хотя очками я пользовался уже лет пять, а распространение в моем окружении, немалую часть которого составляли мои изначальные соратники, коим уже, как и мне, более шестидесяти лет, они получили едва ли не сразу, широкого применения очки пока не имели. Ибо изготовление линз для их производства оказалось той еще задачей, и решить ее пока сумели только в опытовых мастерских при избе стекольных розмыслов. Да и то лишь при помощи оптиков и химиков из Московского университета. Так что даже в России, кроме как в этих мастерских, нигде более очков не делали. А про другие страны и говорить нечего. Россия сейчас являлась почти монопольным обладателем пула самых передовых технологий — от технических до сельскохозяйственных.

Ну за исключением тех, кои не представлялось возможным использовать на ее территории вследствие климатических ограничений. Хотя и в этом направлении дело двигалось. Поскольку и границы страны мало-помалу расширялись... ну или должны были расшириться в не таком уж далеком будущем. Скажем, Крым и в той истории, которую я изучал, все одно стал российским, поэтому я сейчас вполне спокойно вкладывался в развитие в нем виноградарства, как раз в тех местах, где в мое время располагалась Массандра. Вот уже лет двадцать там активно сажали виноград — лучшие испанские, французские и итальянские сорта. Пока не слишком много — по сотне-другой четей каждого сорта. Торопиться я не хотел. Подождем лет двадцать — тридцать, посмотрим, какие сорта дадут лучший, наиболее качественный урожай, теми потом и засадим. Кроме того, в междуречье Яика и Эмбы, на землях яицкого казачества, вовсю шли опыты с выращиванием хлопка и тутового шелкопряда. А в Киевской губернии появились первые плантации товарной сахарной свеклы¹. Виниуса я похоронил уже лет десять как, но он воспитал себе хорошую смену...

¹ Франц-Карл Ашар, первым наладивший производство сахара из свеклы, а не из тростника, сумел добиться приемлемого результата селекционной работы всего за 13 лет, с 1786 по 1799 г.

Причем моей собственной заслугой в этом было отнюдь не то, что я кому-то *рассказал* и уж тем более кого-то *научил*, как и что им делать. По большому счету я об этом и не знал практически ничего, кроме того, как можно пользоваться получившимся результатом... Я сделал совершенно другое. Я создал *социальные структуры*, которые оказались способны воспринять и развить мои крайне сумбурные намеки (иначе и не назовешь), а также сумел наполнить их необходимыми для их ускоренного развития людьми и необходимыми этим людям иными ресурсами. Сначала иностранцами, затем обученными ими, а потом и получившими образование уже в национальных учебных заведениях русскими. И сделал это, не положив в могилы множество русских, татар, ногайцев, мордвинов и остальных, как, скажем, тот же Петя Первый или незабвенный Иосиф Виссарионович, а преумножив их число. Причем более чем в два раза, если считать от того момента, как я взшел на трон... Так что я имел право тешить себя надеждой, что даже после того, как мою престарелую тушку со скорбными лицами затолкают в какой-нибудь величественный склеп, технологическое развитие страны не остановится, а будет идти темпами, как минимум не уступающими темпам той же Франции или Англии. А большего было и не надо.

— Что там, Аникей?

— К вам окольный Пошибов.

Я вздохнул и, приподняв очки, потер пальцами веки. Сдаю... еще только двенадцать дня, а уже резь в глазах и спину ломит.

— Зови.

— Доброго дня, государь, — поприветствовал меня Борис Пошибов, выходец из ярославских посадских людишек, рекрутированный в Митрофанову службу еще десяти лет от роду и ныне сменивший Митрофана на посту ее главы. Стар больно стал боярин и мой ближник. Впрочем, в том, что я поменял его на куда более молодого Пошибова, коему только сороковой год пошел, возраст ни при чем. Хватку Митрофан терять начал. Два раза едва заговоры не прошляпил... Нет, всякий испуг требует регулярного обновления. Стоило всего лишь лет пятнадцать никого из бояр-княжат и из иных бывших великих родов не трогать, как тут же новые заговоры образовались. Один раз бояре с поляками попытались стакнуться — те за любую соломинку хватались в надежде хоть как-то облегчить свое положение, а другой так до конца раскрутить и не удалось. Я подозревал, что за всем этим стоял шведский наследник Карл Густав Пфальцский. Они с сестренкой, королевой Кристиной, очень меня не любили. Но у той больше на уме желание блистать было, чем заговоры организовывать, а вот братик куда дальше смотрел. Но доказать ничего не удалось. Как выяснилось, у Митрофана источники

информации были только в окружении королевы, поблизости от ее подруги Эббы Спарре и испанского посланника Пиментелли. А вблизи Карла Густава никого не оказалось. Так что Пошибову сразу по назначению было велено вплотную заняться устранением этих недостатков...

— Долгий доклад будет, Борис Твердиславич? — поинтересовался я, чуть выгибаясь, чтобы размять поясницу.

— Не шибко, государь, — отозвался окольныйчий, — коли сам о чем поподробнее поспросить не вздумаешь.

— Ну тогда говори, а я немного похожу. А то что-то спина и ноги затекли...

И окольныйчий начал:

— Сvei собираются поляков пощипать. Оне уже давно на Данциг зубы точат...

Я кивнул. Это — да. Когда я войска из Польши выводил, Оксеншерна меня очень сильно обхаживал, уговаривая не передавать Данциг полякам, а уступить его шведам. Но мне усиление шведов на Балтике нужно было как собаке пятая нога. Владислав-то IV, несмотря на всю его ненависть ко мне, был для меня неопасен. Его возможности как гранитной плитой были задавлены чудовищным долгом ломбардским банкирам. Да и тот огрызок бывшей Речи Посполитой, оставшийся от еще недавно могущественной страны, для нынешней России никакой опасности представлять не мог по определению... Впрочем, и в том варианте истории, которую я изучал в школе, ну в той, которую кончал в конце двадцатого века, а не в царевой, произошло то же самое, просто чуток попозже. Ибо ничем иным тот вариант буйной шляхетской демократии, восторжествовавшей в Речи Посполитой, закончиться не мог. Может, сейчас что изменится? Да нет, вряд ли. После того как Владислав IV, успев только несколько месяцев погреть задницей столь давно скучавший по нему трон, преставился, у его наследника Яна II Казимира дела пошли только хуже. Вконец обнищавшие шляхта и магнатерия, дорвавшись до своих старых имений, окончательно забили на короля и принялись напропалую восстанавливать «богатство и блеск ясновельможного панства». Ходили даже слухи, что Яну Казимиру зимой часто нечем отапливать дворец да и с жрачкой регулярные трудности. Так что польский король, чтобы не замерзнуть и не подохнуть с голоду, начал зимой наезжать в гости к своим наиболее обеспеченным подданным и жить у них, пока его не попросят...

— ...а полякам сие стало ведомо, — продолжал между тем глава моей секретной службы. — Но сил обороняться от свеев у них нет, и набрать их также нет никакой возможности. Вот у них какая мудрая голова, не иначе как кто из езуитов, надумала нас со свеями лбами

столкнуться, беспорядки в Риге учинив и русских людишек побив. Всем известно, государь, как ты шибко не любишь, когда русская кровушка льется.

— Вот как? — Я остановился. — О беспорядках в Риге мне не докладывали.

— Да нечего было, государь, — повинился окольныйчий. — Упустили мы все там. Да и беспорядки получились малые. Не шибко много людишек погибло. А сколько товару пограбили — пока считают. Но и здесь купецкие товариства надеются со свеев возмещение взять...

— Ну... все, да не все, раз ты про тех, кто все это затеял, прознал. Окольныйчий вздохнул.

— То случайно вышло, государь. Кирасирский капитан аккурат в это время в Риге оказался. Вот он-то и сумел и пленных споймать, и всю подноготную там же на месте от них разузнать. А моим людишкам в Полоцке токмо кое-что уточнить оставалось.

Ну... я думаю, не только в кирасирском капитане дело. Явно были у окольногочего и какие иные завязки. Пошибов вообще импонировал мне тем, что свои собственные успехи очень часто замалчивал, стараясь выпятить на первый план кого другого, часто даже не своего ведомства. Они, мол, все и сделали, а он тут только рядышком постоял... Но кирасира, пожалуй, стоит отметить. Молодец, молодец... Не зря я в свое время решил из кирасиров этаких новых опричников делать. Не в том смысле, что они все поголовно вешать и резать должны, чем, кстати, настоящие опричники не так уж и много занимались. Это потом на них всех собак вешать приловчились. А на самом деле... Эвон, даже дед мой, тот самый страшный Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский, прозванный Малютой, погиб отнюдь не в застенках, пытая в свое удовольствие невинных, так сказать, овечек, а на поле боя, 1 января 1573 года лично возглавив штурм ливонской крепости Вейсенштейн... А в том смысле, что обучать их не токмо воинскому искусству, но еще и иному государевых дел радению. Скажем, всяким знаниям и умениям, что проходили по Митрофанову ведомству. А то эвон как оно раньше (тьфу ты, ну позже, конечно) было — офицер, мол, жандарму руки не подавал. Невместно, понимаешь, ему было со всякими там царскими сатрапами здороваться. Так и сгинули со своей спесью в семнадцатом на штыках распропагандированной большевиками озверевшей солдатни. Так вот здесь у меня такого не будет!

Хотя начиналось все более из-за того, что из всей армии токмо кирасиры у меня не распускались на жилое. И я решил, что надобно придумать, чем занять этих ребят, уже году к пятому-шестому службы овладевших своим воинским мастерством так, что учить их становилось совершенно нечему. А то начнут всякие бляки в голову

лезть. Ну как у гвардейцев во времена от Первой Екатерины и до Второй и даже чуть позже, когда оные гвардейцы императоров и императриц меняли как перчатки, всюю прибегая к таким медицинским приемам, как апоплексический удар табакеркой по голове. И стал прикидывать, в какую сторону энергию этих молодых мужиков направить. Вот так и родилась идея осуществить тесную смычку города с деревней... то есть военных с жандармами, коих пока, правда, никто так не именовал. И, вполне вероятно, именовать не будет. Как-нибудь по-русски назовем, может, даже теми же опричниками... Сейчас же у меня все больше и больше вырисовывалась мысль в дальнейшем сделать кирасирские полки этаким кадровым резервом полиции и секретной службы. Каким бы нелепым это кому-нибудь ни казалось со стороны. То есть не единственным, конечно. Кирасиры-то все ребята рослые, а в этом деле иногда очень важна незаметность, но в существенной части — почему бы и нет? В городские вон в Российской империи, насколько мне помнится, только ветераны старались брать, с наградами и с безупречной выслугой...

— Ладно, капитана этого мне представь. Таковых непременно опощать надобно. Еще что?

— Пока все, государь.

— А сами swei как настроены?

— Замятня у них пока, государь. Королева Кристина порешила корону с себя снять и передать своему брату — Карлу Густаву Пфальцскому...

Об этом экстравагантном решении моей шведской венценосной сестры я был уже осведомлен.

— А казна у sweeв опосля правления королевы пуста вельми. На войну с нами они никак пойти не могут. Они бы и на поляков не полезли, да токмо поляков ноне пограбить все одно что перезрелый плод с дерева снять. Никакой силы не надобно — одно желание...

Я усмехнулся про себя. Интере-эзные намеки мой глава секретной службы кидает. Похоже, он шибко сблизился с тем кружком молодых сопляков, который сложился вокруг моего старшенького. Ну сопляки — они сопляки и есть. Им бы только повоевать. А что потом с этим завоеванным делать — там, мол, разберемся. Но эти-то куда лезут? Ну *не нужна* нам сейчас Польша. От нее не прибыль — одна сплошная головная боль будет. Тем же шведам. Хотя они пока этого не понимают... К тому же мы Польшу сейчас вполне успешно *уже* под себя подгребаем. Не прямо и грубо, а так, тихой сапой... Оттуда народишко, уставший от магнатского и шляхетского беспредела, потоком бежит. Мои карантинные избы в Брестском, Белзском и Львовском уездах забиты по самую крышу. Да и из приграничных польских староств очень интересные сигналы идут. Мол, как там на-

счет взять по примеру бывших восточных земель Речи Посполитой еще одно староство русский государь под свою руку не желает ли?

— Ну грабить там после нас уже особо и нечего, — усмехнулся я в ответ.

— Да неужто, государь, мы им такую подлость просто так спустим? — удивился окольныйничий.

И действительно, немалый авторитет государства Российского держался еще и на том, что всем было известно, что мы никогда не оставляли без ответа любой выпад в нашу сторону... хм, действительно рука иезуитов просматривается. Уж больно хитрый расклад получается: не узнаем мы, кто замаятно в Риге затеял, — полякам хорошо. Узнаем — полякам плохо, но Святому престолу опять же хорошо, потому как ежели мы поляков прижмем, то этим самым их от себя снова оттолкнем, а папа тут как тут. А то очень его волнует, что уже в исконно польских воеводствах, особенно восточных, число православных храмов за последние двадцать лет почти утроилось...

— А подлость эту, конечно, спустать совершенно не стоит. Так что сыщи-ка ты мне того, кто точно это все придумал и кто денег дал, чтобы ее исполнили, а пока... — Я задумался, размышляя над мыслью, только что родившейся в моей голове. — Сколько, говоришь, в Риге наших людишек побили?

— Покамест о семерых доложили. Может, и еще кого, но пока то мне неведомо.

Я усмехнулся уже открыто. Значит, у шведов казна пуста, зато имеется большое желание поправить свои финансовые проблемы за счет поляков.

— Аникей!

— Да, государь!

— А ну-ка позови мне боярина Качумасова и генерал-воеводу Беклемишева.

Моего друга и соратника Мишку Скопина-Шуйского мы похоронили в прошлом году. Ксюха до сих пор по мужу убивается... и все идет к тому, что надолго она его не переживет. У сестры по весне ноги отниматься начали, и хотя к лету она немного очухалась, я ожидал, что следующая зима станет в ее жизни последней...

— Да, государь! Боярин Качумасов уже тут, в приемной сидит.

— Вот и отлично! Заходи, заходи, Николай...

Боярский чин глава Посольского приказа получил не так давно. Но вполне заслуженно. Я постепенно передал в Посольский приказ все функции подбора и расстановки моих агентов при иностранных дворах (постоянных послов в этом времени еще не существовало, и вообще послами считались лишь те, кто *посылался* от государя к кому-то, чаще всего к другому государю, с каким-либо поручением), и

Качумасов вполне справлялся. Во всяком случае, замена людей при дворах иностранных государств произошла так, что поток передаваемой информации или нанимаемых специалистов не ослабел ни на месяц. Впрочем, теперь специалистов из числа иноземцев нанимали не слишком много. Самых светил, так сказать. И часто при помощи тех светил, кои уже трудились у меня. Скажем, если того же Кеплера мне сосватал Галилей¹, а Пьера Гассенди, ныне занимающего должность ректора Казанского университета, — Рене Декарт, в тот момент уже давно пребывающий на посту ректора университета Московского, то Ферма был стопроцентно заслугой Качумасова... Ну и моей тоже. Потому что я как только услышал фамилию — так тут же отдал приказ денег не жалеть, но этого пока еще довольно молодого парня заполучить. Уж о теореме-то Ферма в мое время каждый второй слышал. Правда, именно слышал, потому как, в чем именно она состоит и почему так важна и известна, я, например, не знал... А вот, скажем, Кольбера сманить так и не удалось. Уж слишком он был предан Мазарини, а с тем у меня отношения не сложились напрочь.

Зато с архитекторами все было нормально. Таковых у меня работал уже не один десяток. Ну и пособия появились. Хотя бы те же «Четыре книги об архитектуре» незабвенного Андреа Палладио. Более того, в Московском университете планировалось через год создать факультет архитектуры, десяти лучшим его выпускникам была обещана трехлетняя стажировка в Италии. Я бы не отказался и от стажировки во Франции, но Мазарини... Впрочем, молоденького Людовика XIV, которого все вокруг пока еще считали всего лишь бледной и безвольной игрушкой в руках Мазарини, я прикармливал как мог. Уж я-то отлично знал, какая он будет «игрушка». Кстати, прикармливал даже не столько финансово, хотя мой агент при французском дворе регулярно вручал мальчику кошель с некой суммой серебра, причем не французской, а моей собственной, русской чеканки (пусть с детства привыкает к тому, что русское — это хорошо и шибко круто), но и иными игрушками.

Так, от моего имени ему уже несколько лет на день рождения дарились кони. Как раз под его размеры — от мелкой татарской до фриза, до которого дело должно было прийти в этом году. Вернее, до московской строевой, выведенной путем прилива к фризу значительной доли арабской крови. Таковых сильных и невероятно красивых лошадей пока существовало всего лишь две сотни. Но мои племенные заводы сейчас активно освобождались от поголовья, выведенного на основе того табуна, что мне прислал Сапега, и ольденбуржцев, гото-

¹ Галилей находился в активной переписке с Кеплером, высоко его ценил и знал о его злключениях в Праге и о постоянных задержках жалования. Странно было бы, если бы он не пригласил его на работу.

вясь активно приняться за размножение московской строевой породы. Ну не полностью, конечно, потому что и те лошадки получились очень неплохими. По моим прикидкам, энерговооруженность народного, так сказать, хозяйства вследствие замены лошадей прежней породы новыми даже в случае сохранения численности поголовья повышалась раза в два с половиной. Если не в три. Также я отправил Людовику полсотни калмыков, лучших воинов, лично выбранных Хо-Орлюком, за каждого их роду было заплачено по двадцать лучших коней. Но калмыки поехали во Францию не сразу, а после года обучения, за это время из них сделали настолько вышколенных бойцов, что они произвели на юного короля, которому в этом году должно было исполниться только шестнадцать лет, неизгладимое впечатление. Не меньшее, чем на самих калмыков произвели царевы кирасиры, кои как раз их и учили...

— Вот что, Николай. Тебе о замятне в Риге ведомо?

— Да, государь, — тут же насторожился Качумасов.

— Вот и славно. А что ты думаешь о том, что swei поляков пощипать вздумали?

Качумасов задумался. Я его не торопил. Мозги у боярина варят, так что сразу озвучивать сложившееся у меня решение необходимости нет. Если оно верное — Качумасов и сам до него додумается, а если так, результат приступа старческого маразма, то тем более нечего себя дураком выставлять.

— Я так думаю, государь, — осторожно начал глава Посольского приказа, — после того как Кристина sweйская от короны отречется, мы более никаким «сердечным согласием» связаны не будем.

— А ну как они его наново попросят? Им сейчас с нами воевать никак не с руки. Казна пуста, да и сами они зубы на поляков точат.

— Так ить, — усмехнулся в бороду глава Посольского приказа, — кто нас может заставить сие согласие заключить? Эвон и обиду какую в шведских пределах нашим купцам учинили — побили, пограбили... Покамест за все обиды оне нам не возместят, о чем с ними баять-то?

— Ну окольниковый говорит, что обиды те не шибко и велики-то? — подначил я боярина.

— А кто их считал? Swei? — с улыбкой отозвался Качумасов. — По нашему-то счету вполне может и по-другому повернуться. И товару тыщ на триста могли пограбить да попортить. И людишек погубить не десяток-другой, а несколько сотен. Какую мы им обиду выкатим, такую и выкатим. А не согласятся — так их дело. Пушай тогда и не лезут со своим «сердечным согласием».

— А нам-то в том какая выгода? — усмехнулся я.

И Качумасов буквально расцвел, поняв, что полностью угадал мысли царя-батюшки.

1668 — 1690 годы — правление Ивана V Федоровича.

1668 — 1677 годы — поступательное развитие. Продолжается программа переселения людей на восток — в Сибирь и Приамурье с Присунгарьем. За 9 лет за «царев кошт» переселено около 500 тыс. человек, самостоятельно приехало около 100 тыс. В районе Лабушкин-порта на юге Африки осело около 9 тыс. человек. На Аляске, Алеутских, Царевичевых (Командорских) островах — около 8 тыс. человек, по большей части из поморов, онежских и ильменских рыбаков. Кроме того, туда переселилось и довольно много шведов из числа тех, кои были расселены по побережью Северного Ледовитого океана, поскольку сии территории были приравнены к тем районам, в которых было разрешено отбывание двадцатилетнего срока проживания. По Западному побережью Америки — от залива Нора (залив Кука) до острова Грубый (остров Грейам архипелага Королевы Шарлотты) заложено около двадцати острожков, вокруг которых идет активное освоение территории. Общая численность населения всех острожков и посадов при них около 6 тыс. человек. Западное побережье Америки активно обследуется, так же как и Тихий океан. Военно-географические экспедиции продвинулись вдоль побережья Северной Америки практически до Калифорнии (Американского рога). С другой стороны океана экспедиции картографировали Марианские острова и достигли Новой Гвинеи. На уральских заводах построено уже более сорока паровых машин, на верхнетуринских заводах работают два опытных паровоза, а на реке Турье прошли испытания первого парохода.

Вследствие высокого образовательного уровня духовенства в церкви появилось несколько различных течений, активно полемизирующих между собой. Впрочем, до предела страсти не накалялись, поскольку в полемику с РПЦ постоянно вступали католики, протестанты и буддисты, а влияние Федора II, требовавшего от церкви в случае внешних воздействий выступать супротив критиков православия единым фронтом, все еще ощущалось довольно сильно.

С другой стороны, наличие в России более чем полумиллиона личностей, не только получивших высшее образование, но и воспи-

таннных по заветам Рене Декарта, послужило причиной возникновения в обществе традиций критического взгляда на российскую действительность. Прежняя, строгая иерархическая система взглядов, которую сумел удержать в стране Федор Великий, начала быстро размываться.

Кроме того, в этот период существенно возросла эмиграция из Европы, вызванная непрекращающимися войнами и жестоким подавлением бунтов. Причем эмигрировали не только немцы, уже проторившие в Россию даже не тропу, а широченную дорогу. Из Франции активно побежали после лангедокской бойни 1670-го и восстания плебса в Гиени и Бретани, из Голландии после восстания 1672 года, из Венгрии и Словакии в том же году после восстания против Габсбургов, из Чехии после 1678 — 1680 годов. Ехать в Россию оказалось куда ближе и дешевле, чем за океан, так что поток переселенцев оказался довольно многочисленным. К тому же по Европе ходили дикие слухи и сплетни о том, что у русских переселенцы сразу получали дом, построенный членами той общины, в которую они вливались, а также товарную и даже денежную ссуду на обустройство хозяйства от пользователя земли. Расселение беженцев производилось по тому же принципу, что и при царе Федоре, но так как поток был довольно велик и селить беженцев по одной семье уже не получалось, селили и плотнее, но не абы как, а учитывая национальную и конфессиональную принадлежность переселенцев. Скажем, семью французов-католиков рядом с чехами-протестантами, а чехов-католиков рядом с протестантами-голландцами, и так далее. Русские (ну или обрусевшие) православные везде продолжали составлять значительное большинство, а неправославные оказывались разделены и конфессионально, и языково, потому даже для общения друг с другом вынуждены были срочно овладевать русским языком. А уж о том, чтобы выстроить кирху или костел, и речи не было. Так что за пару-тройку поколений все переселенцы должны были совершенно обрусеть.

1670-е — очередной скачок российской промышленности. 1672 — 1679 — война Франции с Бранденбургом, Данией и Голландией. Людовику XIV удалось не допустить вступления в войну России на стороне Дании, несмотря на все усилия датской королевы — родной сестры Ивана V, но зато Россия активно кредитует Данию и Голландию, торгует оружием и снаряжением. Впрочем, снаряжение, в частности лес, канаты, парусина, а также полевые кухни и продукты поставляются и Франции. Хотя и в меньших масштабах.

1677 — 1679 годы — османо-польская война. На первом этапе (1677 г.) османы осадили и взяли Краков. Папа Иннокентий XI выпустил буллу, призывающую христианских государей прийти на по-

мощь королю и христианам Речи Посполитой, и принялся предпринимать энергичные усилия для формирования антиосманской коалиции. Но у Леопольда I, императора Священной Римской империи, были большие напряжения с протестантами, испанцам также было не до этого, русские сразу же отказались, интерес проявила одна Венеция, жаждавшая вернуть Крит, но выступать в одиночку она не рискнула. Так что в 1678 году османы взяли Сандомир, Санок, Перемышль и осадили Родом и Петраков. Но тут загоны едисанских, буджакских и добруджанских ногаев, кои давно тревожили русские границы, предприняли налет на Львовские и Белзские земли, захватив двадцатитысячный полон, что резко обострило ситуацию. Настолько, что царь Иван V приказал собирать армию с жилого, а на азовских верфях заложили четыре первых военных корабля. В Речь Посполитую было отправлено посольство, пообещавшее финансовую помощь в размере 200 тыс. рублей на наем армии.

Кампания 1679 года сложилась для османов неудачно. Поляки на русские деньги сумели за зиму набрать армию и по весне, начав наступление раньше турок, вернули себе Краков, где и засели, отчаянно отбиваясь от османов. Кстати, испуг перед османами у поляков был таким, что настроения по отношению к русским, кои единственные пришли на помощь, в среде польской шляхты резко изменились и русских начали именовать славянскими братьями.

1680 — 1681 годы прошли без больших сражений. Османы пытались, не заключая мир с поляками, как-то умиротворить русских, но не возвращая полон и не уплачивая денег «за обиды» (ну не было у них денег), что русским обществом расценивалось скорее как насмешка. Однако царь Иван V, памятуя о том, что его батюшка царь Федор, коего уже все именовали не иначе как Великим, шибко ратовал против войны с османами, склонялся к миру и потому снова выпустил армию на жилое. Продолжая, впрочем, оказывать полякам финансовую помощь и не препятствуя участию в боевых действиях русским добровольцам. А эта помощь была довольно велика. Так, считается, что именно русские во время этой войны по существу создали регулярную польскую артиллерию.

В самой России самым значительным событием было оформление летом 1682 года так называемой Челобитной сотни во главе с одним из богатейших «гостей государевых» Никанором Патлатым и боярином Саввой Небогой, составившим и торжественным ходом через всю Москву принесшим в Кремль царю челобитную «Об учреждении в России народного представительства», испрашивающую у царя соизволения на образование в стране постоянно действующего выборного органа по примеру английского и нидерландского парламентов.

Однако в 1682 году османов призвала на помощь протестантская партия Священной Римской империи, и ставший Великим визирем в 1676 году Кара-Мустафа, мечтавший о завоевании Германии и образовании на ее основе новой большой провинции, в которой он станет полноправным наместником, в 1683 году подступил к Вене с огромной армией. Это еще больше обострило отношения русских с османами, поскольку супруга императора Священной Римской империи Леопольда I Ольга была родной сестрой русского царя Ивана V, а тот чувствовал некую вину за то, что не помог другой сестре. Русские снова увеличили субсидии королю Речи Посполитой для набора армии и, кроме того, отправили в помощь немцам тридцатипяти тысячный корпус, составленный из войск, находящихся в боевой готовности, и снова принялись собирать армию с жилого. Эти тридцать пять тысяч являли собой практически все, что Россия могла выставить немедленно (если, конечно, не выводить войска из гарнизонов). Согласно требованиям, собранную с жилого армию еще предстояло наново обучить, переформировать и провести боевое слаживание, поэтому русская регулярная армия должна была полностью развернуться только к весне. Но и с помощью этих войск герцогу Карлу Лотарингскому удалось наголову разгромить османов под Веной...

Впрочем, кое-что русские могли сделать и ранее, так что еще одна русская армия начала сосредоточение у Каменец-Подольска. К октябрю там было сосредоточено около 80 тыс. человек, из них почти 45 тыс. кочевников — калмыков, башкир, подвассальных русским ногаев, киргизов и 28 тыс. черкесов и воинов, перешедших под руку русского царя кавказских племен. Остальное составили один кирасирский, два драгунских и четыре казачьих полка. Это войско было не способно противостоять регулярным силам османов или брать крепости, но для поставленных перед ним задач оказалось вполне пригодно. Поэтому в ноябре они начали вторжение в Молдавию и Валахию, защищая едисанские и буджакские степи по примеру того, как это делала русская армия в Южной войне при царе Федоре Великом, а к февралю, перейдя Дунай, развернулись и в Добрудже. В Болгарии, Валахии и Молдавии немедленно вспыхнули антиосманские восстания. Причем кочевники не шибко церемонились, часто просто полностью вырезая все подчистую, и к весне Едисанская, Буджакская и Добруджанская Орды были практически уничтожены. Причерноморские степи обезлюдели.

С Дальнего Востока еще по осени был вызван брат царя адмирал Федор Годунов, возглавивший сводный флот, составленный из кораблей Балтийского и Северного флотов, а также Флоришской и Карибской конвойных эскадр. Тихоокеанский флот решили не тро-

гать, так как все еще изрядно опасались японцев, да и поставленной перед ним задачи открытия и описания неведомых земель никто не отменял. Общая численность эскадры была определена в сорок судов, шесть старых галеонов, пять новейших восьмидесятипушечных линейных кораблей и девятнадцать вооруженных флейтов. Остальные были войсковыми транспортами, перевозившими пятнадцатитысячный десант. Эскадра должна была по весне сосредоточиться на Большом Тароватом, откуда двинуться в Средиземное море. Англичане были в этот момент отчаянно заняты боданием Карла II с оппозицией, к тому же их участие в средиземноморской торговле в это время еще было минимальным, так что никаких палок в колеса они ставить не стали, а французам, вроде бы заинтересованным в ослаблении Священной Римской империи, в данный момент гораздо больше требовалось признание ею их прав на последние захваты, кои и были в следующем году подтверждены Регенсбургским договором. К тому же Франция очень опасалась подтолкнуть Россию к заключению со Священной Римской империей полноценного союзного договора, что означало неминуемое участие сильной русской армии в европейских войнах на стороне Священной Римской империи. Поэтому Людовик XIV проявил демонстративное дружелюбие к русской эскадре, даже предоставив ей право снабжаться во французских портах на правах союзной.

Весна 1684 года началась с наступления османов, которое они попытались развернуть сразу по двум направлениям. На севере — против объединенной армии австрийцев, поляков и русского корпуса под командованием герцога Лотарингского выставили почти стотысячную армию, и в Причерноморье — против русских действовала шестидесятипятитысячная полевая армия, состоявшая из элитных частей — корпуса копыкулу, отборных белюков султанской конницы и анатолийских спаги (опасность потери Молдавии, Болгарии и Валахии султанский диван оценил выше опасности продвижения австрийцев в Венгрии и Сербии, поскольку в этом случае граница слишком приближалась к Истамбулу). Она опиралась на мощную линию крепостей, в гарнизонах которых находилось еще почти двадцать пять тысяч человек. К началу лета причерноморская армия сумела в трех сражениях нанести поражение русской армии, составленной в основном из иррегуляров, управление которой вследствие предыдущих действий, представляющих собой скорее набег, чем правильную войну, было в значительной степени утрачено, и вытеснить ее остатки обратно за Днестр. Попутно устроив в Болгарии и Валахии страшную резню и начав такую же в Молдавии.

Но 1 июля к Озю-Кале подошла отмобилизованная стотысячная русская регулярная армия, которая, пользуясь тем, что существовал

ная часть противостоящей османской армии была раздергана по отрядам, занимающимся усмирением Болгарии, Молдавии и Валахии, сразу же начала продвижение вперед. Османы спешно принялись стягивать раздерганные части, а также дополнять свои силы войсками, выведенными из гарнизонов крепостей. С помощью этих мер османам удалось, несмотря на потери, понесенные в прошлых сражениях и при подавлении мятежа, довести общую численность войск, противостоящих русским, до восьмидесяти тысяч человек. Но собранная армия в основной своей массе сильно уступала по уровню выучки и оснащенности регулярной русской. А вот самонимение пашей, командующих османскими войсками, которые недавно одержали аж три победы над другой русской армией, наоборот, взлетело на неадекватно опасную высоту. В результате 20 августа 1684 года в сражении у крепости Измаил причерноморская армия султана была наголову разгромлена. Остатки ее укрылись в крепости Измаил, запасы коей были рассчитаны всего лишь на семитысячный гарнизон. Крепость была блокирована двадцатипятитысячным корпусом, основные же силы русских, почти 65 тыс. человек, переправились через Дунай и скорым маршем двинулись в сторону мощной османской крепости Силистрия, вопреки общепринятой практике совершенно пренебрегая другими османскими крепостями, кои оставались в тылу наступающей армии. Впрочем, особенной опасности в этом не было, так как большая часть гарнизонов этих крепостей оказалась выведена из них и включена в состав разгромленной под Измаилом армии. Куцым же остаткам гарнизонов было не до вылазок, крепости бы удержать... Иррегулярный же корпус численностью около 30 тыс. человек, сформированный из остатков разгромленной турками первой русской восьмидесятитысячной армии, рассыпался отрядами по всей Валахии и Болгарии, отлавливая и вырезая османские карательные отряды и грабя поместья османских тимариотов и зеаметов. Не брезговали и другой добычей, вследствие чего вновь воспрянувшие валашские и болгарские повстанцы принимали русские отряды за османские и вступали с ними в стычки.

Измаил пал к Рождеству Богородицы. Силистрия была взята к ноябрю, а к светлому Рождеству в руки русских войск перешли Рущук, Киликия, Галац и Бендеры. Остальные крепости, занятые османскими гарнизонами и оказавшиеся в глубоком тылу, оказались плотно блокированы валашским и молдавским господарями, присягнувшими на верность русскому царю. Командующий русской армией генерал Собянинов отказался выделять отряды на поддержку войск господарей, осаждавших эти крепости, заявив, что будет справедливо, если молдаване и валахи тоже примут заметное учас-

тие в освобождении своей земли от владычества «нечестивых агарян», а русские лишь обеспечат невозможность подхода к османам подкреплений. Кроме того, господари снабдили русских продовольствием и фуражом, вследствие чего русская армия осталась на зиму на захваченных позициях.

Армия герцога Лотарингского также сумела разбить армию османов, после чего за лето и осень 1684 года совершенно очистила от османов Буду и вступила в Темешоварский банат и Боснию. А сводный флот под командованием адмирала Федора Годунова захватил Крит и сделал его своей операционной базой, развернув рейдерные действия по всему южному Средиземноморью и постепенно очищая от османов острова Кикладского и Южно-Спорадского архипелагов.

В Истамбуле царил паника. Армии у османов больше не было. Все боеспособные части были практически разгромлены, а для набора новых не было ничего — ни денег, ни офицеров, ни запасов оружия. Да еще до дивана дошли слухи, что к антиосманской коалиции присоединились венецианцы, а на востоке оживились персы. Поэтому было принято решение запросить мира.

Но мира не захотел никто. Впрочем, русские намекнули, что они не прочь вернуться к прошлому выгодному добрососедству. Они даже сделали демонстративный жест, отозвав из армии герцога Лотарингского свой уменьшившийся до 28 тыс. человек корпус и отведя его в Молдавию. Австрийцы отреагировали на это совершенно спокойно, ибо русские изначально продекларировали, что отправили корпус для защиты своей царевны, а теперь война велась уже за пределами довоенных границ Священной Римской империи.

Первая половина кампании 1685 года охарактеризовалась незначительным продвижением русских, разгромивших наспех собранные османские войска в двухдневном сражении под Варной и осадивших Тырново. И значительным — армии герцога Лотарингского, очистившего практически всю Боснию, Темешоварский банат, вступившего в Трансильванию и осадившего Белград. Поскольку продвижение русских остановилось, причем они как-то очень явно демонстрировали нежелание куда-то двигаться, а падение Белграда означало потерю Сербии, османы, все лето державшие против русских сильную группировку, в конце августа 1685 года решились-таки и, оставив против русских лишь пятнадцатитысячный корпус, по большей части набранный из башибузуков, все свои силы стянули на помощь все еще державшемуся Белграду. Так что когда 20 сентября русские войска стремительным маршем вышли к Истамбулу, это застало всех врасплох. Тем более что одновременно его атаковал прорвавшийся в Мраморное море сводный флот адмирала Годунова, в течение лета в трех последовательных сражениях уничтоживший

турецкий флот, пытавшийся отбить Крит. Современные многопушечные корабли оказались буквально бичом божьим для пусть и превосходящих численностью, но более мелких и намного слабее вооруженных судов османов. По иронии судьбы самый защищенный город Османской империи был захвачен буквально молниеносно. В поднявшейся панике организовать оборону никто не смог. Поэтому русские полки с ходу, с марша ворвались внутрь городских стен и вступили в схватку с куцыми остатками гарнизона, в массе своей ушедшего с армией на помощь Белграду, уже на городских улицах. В течение трех дней он был полностью очищен от османских войск. Султан бежал из дворца, бросив сераль, и дворцовые янычары на случайной лодке чудом сумели переправить его на азиатский берег Босфора.

Падение Истамбула было шоком как для самой Османской империи, так и для всего мира. Впрочем, французы втянулись в противостояние с Аугсбургской лигой, вследствие чего их возможности были резко ограничены, англичанам было по-прежнему наплевать, царцев все произошедшее привело в совершеннейший восторг, а остальные были слишком слабы, чтобы существенно повлиять на ситуацию. В европейских же владениях султана шок был весьма недолгим. Вся Румелия мгновенно полыхнула, так что армия Мехмед-паши, действующая против герцога Лотарингского, оказалась в полном окружении.

В России по первопутку потянулись на юг караваны даточных людишек, которым предстояло заселить едисанские, буджакские и добруджанские степи, а также расселиться вокруг города, который за время своего долгого существования сменил немало имен, сначала будучи назван Византием, затем Константинополем, потом Истамбулом, а отныне ему настал черед именоваться Царьградом...

За зиму русские землемеры наметили на предназначенных для заселения землях, которым теперь предстояло стать новой личной вотчиной русского царя, места для почти шести сотен новых деревень. За один год столько народу для расселения переправить было невозможно, но лет за пять-шесть...

Кампании 1686 — 1688 годов прошли под знаком полного и подавляющего превосходства антиосманской коалиции. Армия Мехмед-паши, верно оценив обстановку и поняв, что попытка прорыва к Истамбулу, занятому мощной русской армией, через охваченные восстанием районы и с армией герцога Лотарингского на загривке гарантированно приведет к разгрому, некоторое время старалась закрепиться в Сербии. Была надежда установить сношения с султаном и скоординировать свои действия с его ударом с азиатского берега, потому что все — и сами османы, и их противники, и их тайные и яв-

ные сторонники — пребывали в уверенности, что с потерей Истамбула османы никогда не смирятся. Но султану в 1686 году было совсем не до Истамбула, поскольку с востока по османам ударили персы. И их сильное продвижение грозило уже не только потерей престижа в связи с утратой Истамбула, но и резким сокращением экономической базы государства (впрочем, Истамбул тоже был не последней величиной в экономике), и, что в войне было едва ли не более существенным, мобилизационных возможностей. А это уже грозило полным исчезновением государства османов. Поэтому султан, оставив против русских только силы прикрытия и совершенно выбросив из головы Румелию, все свои усилия сосредоточил на востоке страны против персов и направил на удержание регионов, преимущественно населенных османами. Это был риск, и страшный, но иного выхода просто не существовало.

Армия Мехмед-паши за следующие три года просто истаяла под ударами повстанцев и армии герцога Лотарингского, который вследствие этого принужден был оперировать лишь в Сербии и Боснии. Русские же, не торопясь, экономно, в первую очередь используя повстанческие отряды, коим скорее для представительства были приданы крайне малые по численности стрелецкие команды, очистили от османов всю Грецию и Эпир. А адмирал Годунов отбил у османов Родос и Кипр, кстати всего лишь на два дня опередив на всех парусах спешащую к Кипру французскую эскадру. До 1686 года французы, оберегая свою левантийскую торговлю, тайно и изо всех сил стараясь не рассердить русских, пытались поддерживать османов, но, когда стало ясно, что османы проигрывают буквально вчистую и все огромные инвестиции французской короны ушли в трубу, присоединились к коалиции и попытались урвать хоть что-то. Высадили экспедиционный корпус в Египте и отправили эскадру на захват Кипра. Но на Кипр не успели. В Египте, кстати, тоже получился облом, но выяснилось это гораздо позднее... Венецианцы же довольно легко вышибли турок с Ионических островов и основательно завязли в Далмации и Хорватии.

Кроме того, существенная часть русских войск была активно задействована на очистке Причерноморья, а также окрестностей Истамбула, Галлиполийского полуострова и некоторых других территорий от мусульманского населения и в подготовке их к заселению русскими крестьянами. Царь Иван свято блюл завет своего батюшки о том, что лишь те земли можно считать своими, на коих пашет русский крестьянин. Так что в едисанских, буджакских и добруджанских степях, окрестностях Варны, Бургаса, наиболее пострадавших при подавлении восстания болгар османами, ну и, конечно, Царьграда, как и на полуострове Галлиполи, должно было быть расселено не

менее полумиллиона русских крестьян. Не считая тех, кто своей волей переселится в Царьград, Варну, Бургас и другие города и крепости Черноморского побережья, да и остальных территорий, присоединенных к Российскому государству в результате войны.

Все захваченные местности и города активно освобождались от мусульманского населения. Православных не трогали. Но их после резни, устроенной османами весной 1684 года, в этих местностях осталось совсем немного... Операция была царю Ивану V хорошо знакома, он проделал нечто подобное под руководством батюшки во время Северной войны и сразу после нее. Захваченные в плен магометане, коих оказалось более полумиллиона, отправлялись на север, где их, как когда-то латгалов, эстов, ливов, немцев и шведов, задействовали в большом инфраструктурном проекте — строительстве шести крупных каналов, которые должны были объединить все моря и реки европейской части страны в единую сеть. Все необходимое для этого — подготовленные розмыслы, проекты, планы работ, разведанные источники стройматериалов — уже было. К этому времени Россия обладала не только гигантским промышленным потенциалом, заметно превосходя любую из европейских стран, но и самым большим в мире пулом инженерных специалистов. Не хватало только достаточного количества дешевых рабочих рук.

Семьи же искусных ремесленников из Истамбула расселяли по множеству русских городов — начиная от Москвы и заканчивая городами Сибири и Приамурья. Через пятьдесят лет смешение дизайна, технологий и художественных приемов русских, китайских, европейских (в основном немецких, чешских и итальянских) мастеров и традиций османских ремесленников породило ставший почти на столетие основным трендом всей европейской культуры «русский стиль»...

Женщин не старше тридцати лет из султанского и остальных захваченных сералей — таковых набралось более пятнадцати тысяч человек — было велено отправить в Приамурье и на Дальний Восток. Туда же было направлено и множество других, из числа похолопленных. Потому как на строительстве каналов от женских рук много толку не ждали.

Кроме этого, армия дьяков принялась целенаправленно грабить захваченные османские земли. Греков и иных православных особо не трогали, за исключением тех, кто слишком уж тесно сотрудничал с османами и шибко преуспел в грабеже православного населения (таковых было немного, но зато это, как правило, были самые богатые представители национальных диаспор), но вот дворцы и виллы османских пашей и чиновников вывозились подчистую. Более того, всякому доложившему о сокрытии ценностей обещалась четверть

найденного, а если это был мусульманин и ценность похищенного превышала определенную установленную сумму, то и освобождение от депортации, вследствие чего поток награбленного только увеличился. По слухам, некоторые мусульманские торговцы нарочно сообщали о собственных захоронках, дабы остаться на привычном, обжитом месте, а некоторые, коим не хватало денег до указанной суммы, складывались, а затем бросали жребий, кому идти в доносчики. В результате около двадцати тысяч мусульман избежали депортации. Но, к вящему удовольствию греков, все оставшиеся правоверные были обложены налогом, в точности равным тому, который налагался на христиан во времена Османской империи. Кроме того, значительным налогом облагались мечети, что впоследствии привело к закрытию многих из них, и в первую очередь как раз в тех местах, из которых выселялось османское население. Этот налог не с кого оказалось собирать. Еще больше греков удоволило то, что множество древних византийских храмов, превращенных османами в мечети, снова вернулись под руку Вселенского патриарха. Так что знаменитая Айя София вновь стала Софийским собором, и 25 декабря 1685 года во вновь освященном соборе состоялась первая рождественская служба.

Из-за войны все проекты преобразования страны оказались похоронены, поскольку основная масса активных людей сублимировала свою преобразовательную энергию участием в военных действиях и последующем освоении вновь присоединенных земель. Действия же руководства страны в войне вроде бы совершенно сняли с повестки дня вопрос совершенствования государственного управления. Вследствие этих, а также и иных причин, в основном личного характера, «Челобитная сотня» распалась.

После первой, наиболее массовой зачистки территорий от «нечестивых агарян», закончившейся весной 1686 года, иррегулярные и вассальные войска отправили домой, удовлетворив кочевников и горцев скотом, конями и рублем денег на каждого. А мурзам да вождям — по трем и по десяти.

В 1687 году был разработан масштабный проект реконструкции Царьграда и строительства портов и дорог во вновь присоединенных землях. По самым скромным подсчетам, этот проект втрое, а то и вчетверо превышал возможности русской казны. Но, несмотря на ожесточенное противодействие приказа Большой казны, он был-таки принят к исполнению.

Главные же сражения в эти три года развернулись между дипломатами. Причем особую активность проявили иезуиты. Столь чудовищного и, главное, молниеносного разгрома османов, столетия угрожавших христианскому миру, никто не ожидал. Поэтому все пре-

бывали в некоторой растерянности. Кроме иезуитов, сразу же понявших, какое значение имеет появление на месте османов могущественной православной империи и насколько сложившаяся ситуация опасна для сохранения влияния Престола святого Петра. Так что они предприняли все усилия для вбивания клина между союзниками. И Леопольд I, поначалу пришедший в восторг от исчезновения с границ Священной Римской империи турецкой угрозы и собиравшийся заключить мир на любых условиях, предложенных русскими, сыгравшими в сем исчезновении главную роль, был тут же взят в оборот. А настраивать против русских венецианцев и французов не было никакой необходимости — они и так были настроены резко негативно.

Однако нет худа без добра. Вследствие очевидного участия как Святого престола, так и просвещенной Европы в явных и тайных действиях, направленных супротив страны, российское общество охватило порыв единства. Фрондеров из университетской профессуры и иных представителей образованного слоя, коим надудо в головы вызывающих идей из-за западной границы державы, внезапно обуял патриотизм. И в пику вольнодумной Франции среди русских интеллектуалов стало модным подчеркивать свою религиозность и приверженность православию. Подобные настроения оказались столь сильны, что более сорока ученых-иностранцев, работавших в русских университетах и академиях, демонстративно перекрестились в православие. В среде же церковнослужителей эти настроения привели к тому, что все наиболее сильные богословы, ранее активно полемизировавшие друг с другом, заключили негласное перемирие и переключились на яростное противодействие внешним оппонентам. Ну или как минимум направили свои силы на установление тесного и живого взаимодействия с православным клиром вновь присоединенных земель.

В 1689 году русские закончили разбираться с захваченными землями и очисткой островов Эгейского моря и, поскольку султан, отбиваясь от персов, упорно не соглашался на подписание не то что мирного договора, но даже и перемирия, провели десантную операцию в Эгейском и Мраморном морях, захватив Смирну и Изник и двинувшись в направлении Бурсы. А другая армия, численностью 45 тыс. человек, состоявшая из вновь призванных на службу кочевников и вассальных горцев Кавказа, вступила в Мингрелию, Осетию и Аджарию. Еще одной косвенной причиной возобновления боевых действий было то, что в сентябре на Балканах появился единственный сын и наследник царя Ивана V — сержант артиллерии Борис Годунов. Он просто рвался в бой и был сильно раздосадован тем, что опоздал к главным битвам.

ТЕБЕ ВСЕ ЭТО ЦАРСТВО ДОСТАНЕТСЯ...

О трилогии Романа Злотникова «Царь Федор»

ЦАРЬ

Учись, мой сын: наука сокращает
Нам опыты быстротекущей жизни —
Когда-нибудь, и скоро, может быть,
Все области, которые ты ныне
Изобразил так хитро на бумаге,
Все под руку достанутся твою.
Учись, мой сын, и легче и яснее
Державный труд ты будешь постигать.

А. С. Пушкин. Борис Годунов

В первой половине XIX века, вызванный бурными социально-историческими потрясениями, в мировой литературе зародился жанр исторического романа. Почти одновременно появляется и его соперница — историческая фантастика. Фантаст имеет возможность более свободно оперировать историческими событиями и персонажами, чем автор сугубо исторического романа. Тут каждый из сочинителей сам для себя определяет пределы полета фантазии. Следует особо подчеркнуть тот факт, что в русской литературе историческая фантастика возникает гораздо раньше, чем в западноевропейской и американской, к которым принято возводить происхождение современных русских историко-фантастических произведений. В настоящее время в исторической фантастике выделяют две основные разновидности: альтернативную историю (АИ) и криптоисторию (то есть «тайную, скрытую»). Помимо этого существуют и явления пограничного характера, которые нельзя вогнать в тесные рамки какого-либо из вышеупомянутых жанров.

В основе произведений альтернативной истории лежит так называемое контрафактическое моделирование, выраженное формулой «что было бы, если бы». Например, что было бы, если бы Наполеон выиграл битву при Ватерлоо? Или, как у Гарри Гаррисона в его знаменитом «Эдемском» цикле: «Что случилось бы, если бы динозавры не вымерли, а мутировали в расу разумных существ?» Подобная постановка проблемы приводит к заманчивой для автора возможности «переписать» земную историю, переиграть партию, уже однажды сыгранную Клио. Такую попытку делает и известный современный

русский фантаст Роман Злотников в трилогии «Царь Федор», включающей романы «Еще один шанс...», «Орел расправляет крылья» и «Орел взмывает ввысь».

Сюжетный ход, положенный автором в основу коллизии трилогии, незамысловат и не раз использовался и продолжает использоваться коллегами Злотникова по перу. Некий человек из нашего времени каким-то непонятным образом переносится из настоящего в прошлое. Руководствуясь сверхидеей, романист несколько усложняет сюжетный поворот, перенеся на сотни лет назад не саму физическую оболочку сорокалетнего героя, а только его сознание, внедрив оное в тело десятилетнего отрока. Таким образом, герой как бы получает еще один шанс прожить другую жизнь, сохранив весь свой немалый жизненный опыт. Здесь кроется один из двух смыслов названия первой книги трилогии. Второй становится понятен, когда узнаешь, в чью именно телесную оболочку волею автора «внедрился» герой. А угодил он в тело одной из самых трагических фигур русской истории, царя Федора II Годунова.

Сын первого на Руси избранного царя Бориса Федоровича Годунова и дочери Малюты Скуратова Марии Григорьевны, он вступил на престол после скоростижной и неожиданной кончины отца в апреле 1605 года в шестнадцатилетнем возрасте и процарствовал всего около полутора месяцев, свергнутый и убитый сторонниками Лжедмитрия I. После этого Россия на долгое время погрузилась в лихолетье Смутного времени. Между тем историки полагают, что Федор, всесторонне подготовленный к престолу талантливый и европейски образованный юноша, заслуживал лучшей участи и мог стать одним из выдающихся русских государей. К сожалению, хаос Смуты поглотил многие прогрессивные начинания Бориса Годунова вместе с его наследником, который, возможно, был бы достойным продолжателем отцовской политики. А политика эта заключалась в укреплении внутренней мощи державы и усилении позиций Руси на международной арене.

Что было бы, задается вопросом фантаст, если бы царю Федору Годунову удалось справиться с бунтами и избавить страну от испытания Смутой? Насколько он и держава были подготовлены к реформам, способным «поднять Россию на дыбы» на сотню лет раньше, чем это сделал Петр Великий? И, отвечая на эти вопросы, разворачивает перед читателем завораживающее действо, посвященное обустройству идеального русского государства. Настолько убедительное и продуманное в мелочах, что порой даже не верится, что это фантастическое, а не реалистическое повествование.

Итак, герою-попаданцу и Федору Годунову дается «еще один шанс». Сорокалетний бизнесмен, прожженный циник, сибарит из

начала XXI века, обладающий знаниями в области эффективного менеджмента, обретает тело десятилетнего отрока, живущего на рубеже XVI — XVII веков. В определенном смысле повезло обоим. Царевичу в том, что он не стал вместилищем сознания какого-нибудь пьяницы, вора или маньяка-убийцы, а бизнесмену, что ум, в который его угораздило «внедриться», был потенциально готов принять новые знания и справиться с их переработкой. Годунов-младший уже с десятилетнего возраста готовился к государственному управлению, посещал заседания Боярской думы и имел собственную государственную печать, участвовал в судебной и благотворительной деятельности отца. Им или под его непосредственным руководством была составлена одна из первых географических карт России (эпизод с нею является центральным в трагедии Пушкина «Борис Годунов»).

Образованный писательской фантазией «тандем» действует дружно и слаженно. Герой-попаданец не стремится тут же проявить свою крутизну, поразив воображение окружающих невероятными откровениями. Уже достаточно поживший на свете и переживший лихие девятилетние годы Федор Борисович прекрасно понимает, чем могут закончиться попытки действовать нахрапом, тем более со стороны десятилетнего мальчишки, пусть и обладающего достаточной долей власти. Пареньку следует подрасти, а «попаданцу» — освоиться в местной среде. Ведь исторического образования, как и многим нашим согражданам, ему явно не хватает. Это слово, «образование», становится ключевым для всей трилогии. Царь Федор учится сам, учит свое окружение и заботится о просвещении вверенного ему государства. Ведь еще на заре утверждения российской государственности один из мудрейших политических деятелей державы, князь Владимир Мономах, в «Поучении чадам своим» призывал не лениться в приобретении новых знаний: «Леность ведь есть всему мать. Ежели что доброе знаешь, то, лентясь, позабудешь. А чего не знаешь, тому не научишься».

Далеко не случайно вспомнилось это первое отечественное сочинение об идеальном государе. Потому как трилогия Злотникова «Царь Федор» своего рода беллетризованный трактат об образцовом правителе. Публицистический элемент здесь преобладает над художественным. Да, в романах цикла изображены яркие и колоритные персонажи, довольно убедительно представляющие свое время. Это и реальные исторические лица вроде Фрэнсиса Бэкона, Галилео Галилея, Исаака Ньютона, Рене Декарта, патриарха Иова, князя Михаила Скопина-Шуйского (большинство из них связаны с образованием, наукой, просвещением). И просто типажи из, так сказать, «массовки». Их глазами мы видим эпоху, преобразования царя Федора и самого реформатора. Но большая часть повествования ведет-

ся, как и в «Поучении» Владимира Мономаха, от первого лица и представляет собой раздумья главного героя о природе власти, о том, как рационально ею следует пользоваться.

Трилогия «Царь Федор» стала закономерным этапом в развитии социально-политических взглядов прозаика. Роман Злотников практически с самых первых своих шагов в литературе осознал, что его миссия, как и каждого настоящего русского писателя, состоит в том, чтобы не просто развлекать читателя разнообразными фантастическими историями, но и, забавляя, поучать, просвещать. Много места в произведениях прозаика занимают размышления на общественно-политические темы, связанные с обустройством Родины. Кто должен управлять страной, имея на это моральное право? На кого следует опираться правителю в преобразовательных реформах? Как вырастить элиту нации? Этими вопросами не раз задается Злотников. Они звучат в дилогии «Империя», в «Русских сказках», в тетралогии «Леннар», в романе «Время вызова. Нужны князья, а не тати» и многих других его книгах.

Политические взгляды, декларируемые писателем, можно охарактеризовать как неомонархизм, то есть монархизм в новых геополитических условиях. Державе, полагает фантаст, нужен Государь. Монарх — важнейшая позиция контроля и задания правил поведения элиты. Причем личность монарха не играет в этом ключевой роли. Да, хотелось бы видеть на троне умного, обаятельного, образованного, волевого и фотогеничного человека. Но на самом деле все это вторично. А первичны — мотивации, которые задаются самой позицией. Во-первых, монарха невозможно купить. Ну нечего ему предложить больше, чем он уже имеет. Во-вторых, монарх может владеть только либо всей страной в целом, либо ничем. Ну не может он оказаться в ситуации, типичной для демократически избранных президентов, когда после «переизбрания» у него «в бумажнике» слегка «позадержалось» акций «Газпрома», «Транснефти» или прочего вроде этого. И детям-наследникам он может передать либо всю страну, либо собственное изгнание. В-третьих, монарх не «загнан» в ритм выборов, когда, например, уже и надо сделать нечто, но невозможно, потому как — предвыборная кампания. Не поймут-с. Ну и монарх может править ТОЛЬКО личным авторитетом, ибо для того, чтобы «свергнуть» монарха в современном европейском государстве, не нужно никаких революций. Достаточно рутинно изменить пару-тройку статей конституции, и все. Так что оставаться во власти он может только в том случае, если подобные действия мгновенно вызовут глубокое возмущение народа. То есть он просто вынужден заботиться не о неких соратниках по партии, «спонсорах» или иных

влиятельных персонах, так или иначе поддержавших его на пути к власти (таковых и нет, считай), а о народе. Ибо его волей царствует.

На этих идеях зиждется и здание «Царя Федора». Выдуманный фантастом царь-реформатор XVII века последовательно проводит в жизнь идеал так называемой официальной народности, введенный в обиход в тридцатые годы XIX века, при Николае I, графом Уваровым, заключенный в формуле «православие, самодержавие, народность». В этом отличие реформ Федора II от преобразований Петра Великого, ставившего не на национальный ресурс, а на «европейскость». Не раз в трилогии Злотникова упоминается и осуждается этот факт. Возможно, если бы Петр I учитывал в своих деяниях русский фактор, то реформы его прошли бы для страны менее болезненно и принесли бы больше пользы. Счастье «попаданца» в том, что он может не повторить ошибок первого российского императора. Да и идти тем же путем ему было бы сложнее. В начале XVII столетия ситуация была совсем иной. Того же Лжедмитрия I свергли из-за того, что он вздумал подражать своему кумиру, французскому королю Генриху IV, откровенно пренебрегая русскими традициями и жизненным укладом. России изначально предначертан свой, русский путь. Им и следует царь Федор Годунов.

Итак, православие, самодержавие, народность. Вот три основных направления, по которым идут реформы в альтернативной Руси Злотникова. Православие, как считает писатель, исконная и наиболее правильная форма христианской веры. Оно становится цементирующей основой создаваемой царем Федором нации. Уже через несколько десятилетий реформ именно конфессиональная принадлежность становится главной для национальной самоидентификации жителя царства Русского. Православный равнозначно русскому. И неважно, какая кровь течет в твоих жилах: татарская, польская, шведская или иная. Если ты осознаешь себя православным, следовательно, ты русский. В принципе такая практика существовала и в дореволюционной России, где принявший православие еврей мог спокойно делать карьеру в отличие от его загнанных за черту оседлости соплеменников, исповедующих иудаизм. Русский православный человек не может быть ничьим холопом, рабом. Так закладываются основы будущего свободного гражданского общества. Конечно, в вопросах веры в построения романиста чувствуется некоторая шаткость. Ему заметно не хватает уверенности и знаний для ведения религиозной полемики. Так, доводы, приведенные героем на диспуте, устроенном между иерархами католической и православной церкви в момент сватовства Федора к Генриетте Французской, достаточно наивны, и их ничего бы не стоило тут же опровергнуть изрядно поднаторевшим в полемике католическим богословам.

Впрочем, подобные шероховатости не портят всего стройного и монументального здания трилогии.

Финал трилогии довольно оптимистичен. В момент физической смерти своего носителя сознание «попаданца» вновь возвращается в родное тело. Однако его собственная реальность оказывается коренным образом измененной. Сработал эффект «раздавленной бабочки», впервые описанный Рэем Брэдбери, в науке именуемый хроноклазмом. У американского фантаста это трагедия. Герой русского писателя радуется, видя, к чему привели его труды на благо Отечества. Слышен призыв писателя к тому, чтобы мы хоть немного задумались о том, что сами ответственны за судьбы Родины. Все в наших силах. Нужно только осознать то, что ты родился в России, и попытаться сделать для взрастившей тебя земли хоть что-нибудь полезное. Начинать творить будущее сейчас, и это не фантастика.

Игорь ЧЕРНЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ЕЩЕ ОДИН ШАНС...	9
ОРЕЛ РАСПРАВЛЯЕТ КРЫЛЬЯ.	277
ОРЕЛ ВЗМЫВАЕТ ВЫСЬ	553
Российская история после царя Федора. <i>(Таймлайн)</i>	819
<i>Игорь Черный. Тебе все это царство достанется... О трилогии Романа Злотникова «Царь Федор»</i>	886